

РОМАН БОРИН

Клоны Инферно

А ДО ПОТОПА ОСТАВАЛОСЬ ВСЕГО
750 ЛЕТ...

Роман Борин

**Клоны Инферно. А до потопа
оставалось всего 750 лет...**

«Издательские решения»

Борин Р.

Клоны Инферно. А до потопа оставалось всего 750 лет... /
Р. Борин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748711-9

Продолжение истории, описанной в романе «Перламутровая птица Атлантиды». Артаки, почти уничтожившие Цивилизацию Побережья Тёплого моря, разгромлены. Харидяне выжили в борьбе с ними, но человечеству угрожает новый неведомый Враг и гораздо страшнее артаков. В битву с ним вступают те, кого Цивилизация считала врагами...

ISBN 978-5-44-748711-9

© Борин Р.
© Издательские решения

Содержание

Запределье	6
Пролог	7
Часть первая. Чёрная гора	9
Глава первая. Рудый хан	10
Глава вторая. Запределье	15
Глава третья. Пахан киммеров	19
Глава четвёртая. Чёрные рейдеры	25
Часть вторая. Скитания мальчишки	30
Глава первая. Резня у перевала	31
Глава вторая. Гоблины и дивы	37
Глава третья. Сытая долина	43
Глава четвёртая. В когтях Орла	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Клоны Инферно

А до потопа оставалось всего 750 лет...

Роман Борин

© Роман Борин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фантастический роман-предание

Действие происходит на Земле 12 тысяч лет назад

Тысячелетия прошли с тех пор.

Песок и пыль поглотили могущество древних.

*Новые народы, полностью забыв свою историю,
придумали прошлое заново...*

Запределье

Как киммеров на войну провожали
Так их жёны, матеря набежали
Эх, куда же, Кимаран, ты подался,
Что же в орде, Большой Пахан, не остался

Как бы мучились в степях мы бездельем,
Чтоб осталось от племён Запределья?
Предстоит сразиться нам с демонами
Облегчатся богачи карманами

Будем биться мы, друзья, со злым духом
Становитесь, сыновья, легче пуха.
Враг космический грядёт, инфернальный —
В нашей жизни поворот кардинальный

Видишь? Валят в степь гурьбой гоблы пеши
Человек пойдёт на бой рядом с лешим.
И варнаки нас найдут, станут станом,
Чашу мира разопьют хан с каганом.

Эй, смотри-ка, кто бежит – ретиарий!
То на помощь к нам спешит Цеясарий
Кто там машет нам во след? Мать циклопа.
За семьсот с полтиной лет до Потопа...

Пролог

Хорошо рассмотреть, с кем сражались окияны на выходе из ущелья, соединяющего Побережье и внешние степи, не удалось. И дело было даже не в том, что сражение кипело под сиянием Луны во мраке ночи, в свете мощных факелов, разожжённых, видимо, окиянами. Какая-то неведомая сила вдруг потащила астральное тело Ракша наверх, в небо, к этой самой Луне, сияющей мертвенно-бледным блеском.

Ракш попытался было сопротивляться, стремясь повернуть назад, к кишевшему воинами ущелью. Ему страшно хотелось понять, кто же напал на Побережье с севера: какие-либо неприсоединившиеся племена, другая армия артаков (а если это так, то откуда она взялась)? Или сюда явился кто-то неизвестный?

Но сила, тащившая невесомое тело Ракша к небу, оказалась непреодолимой. Ракш вынужденно смирился, прекратил волевою борьбу, поддался течению астральных потоков. Ущелье вскоре исчезло из виду, поверхность мира изогнулась, превратилась сначала в полукруг, затем в шар. И всюду зияла леденящая чувства пустота, сквозь которую пробивалось великое множество далёких огоньков. «Другие миры», – мелькнуло в сознании Ракша, летящем в сторону бледно-голубого круга, выраставшего в размерах всё быстрее и быстрее.

Ракш поразительно чётко осознавал, что летит сквозь необъятный Космос к миру, вращающемуся в пространстве вокруг его мира. Он чётко представлял и то, что плотное физическое тело его находится в пещерке для медитаций там, внизу. То есть, теперь уже вверху, поскольку мир, к которому он приближался с невероятной скоростью, уже превратился в необъятную твердь, распростёршуюся под ним, и Ракш падал на неё.

Он уже видел острые пики необычайно высоких и чётких в очертаниях гор с поразительно чёткими тенями под ними, множество круглых ям и дырок на каменистой поверхности. И ни единого кустика или травинки, ни малейших признаков какого-либо ручья или лужицы – безжизненная, безмолвная, страшная пустыня.

«Зачем я здесь?» – подумал Ракш. И тут же неведомо откуда получил ответ, который совершенно чуждым голосом прозвучал в его сознании. «Сейчас ты поймёшь! Сейчас ты всё поймёшь!» – нечто невидимое, но, вероятно, очень сильное и мудрое необычайно громко прошептало ему в астральные уши.

И в тот же миг Ракш увидел перед собой довольно широкую чёрную дыру на безжизненной и безмолвной каменистой поверхности нового мира, куда вырвавшееся из плотного тела сознание его прилетело впервые. Дыра была поразительно ровной, будто прежде чем её сотворить, некто невероятно огромный начертил на тверди гигантский круг. В сознание откуда-то пришло новое понятие – «кратер». Раньше Ракш никогда ничего не слышал о кратерах. Он ни малейшего представления не имел, где и каким образом они возникают, но знал уже при этом, что летит именно внутрь кратера, дыры, наблюдать которую не имел случая ни в одном из своих снов-полётов.

Он не успел толком разглядеть, что представляют собою стены тоннеля, через который с бешеной скоростью проносился. И вскоре очутился в каком-то хорошо освещённом гигантском зале, где увидел множество странных огоньков, снующих туда-сюда, странной формы деревья, кусты, заросли ещё чего-то непонятного и... если б в сей миг он забыл о том, что его плотное тело находится далеко отсюда, то решил бы, что у него от увиденного перехватило дыхание. То был не зал. То был поражающий воображение самого способного фантазёра город под твердью Луны!

«Смотри же! Смотри внимательно! Смотри и запоминай!» – завораживающий голос неведомого существа вновь зазвучал в астральных ушах Ракша (если их так можно было назвать).

«Где я?» – машинально спросил Ракш у этого Нечто.

«Об этом спроси у них», – невозмутимо предложило существо.

Продолжая лететь над подлунным городом, Ракш вдруг заметил их. С виду это были обычные люди, только одетые совсем не как люди мира, из которого прибыл сюда Ракш, по крайней мере, представители народов, хорошо ему известных. Астральная одежда этих существ с человеческими лицами облегла их «нематериальные» тела настолько плотно, что если б не её цвет (точнее, переливавшиеся перламутром разные цвета), неискушенный подумал бы, что они вовсе не носят одежды.

Существа стояли в приветственных позах на поросшей низкорослой травой лужайке перед величественной формы зданием, чем-то напоминающим древний храм, возведённый в горах Побережья дальними предками Ракша и «переживший» на много веков самую древнюю Культуру. Люди в перламутровых одеждах, по-видимому, ждали Ракша. На их лицах можно было заметить некое воодушевление и подобия улыбок.

Ракш опустился перед ними не сам – та же сила, что увлекла его от ущелья к Луне, мягко поставила астральное тело Ракша на бесплотные ноги. Ракш догадался, что и стоящие перед ним существа тоже бесплотны.

– Здравствуй, Ракш, – поприветствовал его один из них, очевидно старший.

Его мысленный голос оказался удивительно мягким, чарующим:

– Мы ждали тебя, давно ждём. Наконец-то ты догадался войти в полёт в нужный момент, когда стало возможным притянуть твоё тонкое тело, точнее, тебя самого, твою личность, сюда, в этот город.

И все окружившие Ракша существа (роста они были чуть его пониже) в знак признательности и уважения склонили головы. Старший продолжал:

– Ты должен многое узнать. Сначала скажем, что город, который ты сейчас видишь, в плотной реальности не существует. Точнее, существует другой город, также как существует и другая Луна. Что означают мои мысли, ты поймёшь чуть позже. Сейчас же мы хотим тебе показать кое-что из истории твоего и нашего мира – ведь твой мир был когда-то нашим. И мы никто иные, как твои дальние сородичи, умершие в плотных телах, давным-давно. Мы сохранили свои личности и остатки нашей духовной культуры здесь – в астральном городе мира тонкого. Меня зовут КОО, то есть Представитель. А это – мои друзья и братья. Они – хранители, советники, регуляторы и учителя.

КОО каждого назвал по имени (подобных по звучанию раньше Ракш нигде не слышал), и каждый, чьё имя произносилось, слегка наклонял голову, прикладывая к переносью сложенные вместе ладони.

– А теперь, – продолжил КОО, – войди в наш Храм. Он перед тобой. В нём ты узнаешь о многом. Мы покажем тебе прошлое, а будущее позже ты сам увидишь.

Ракш был заморожен, зачарован мелодией этого мягкого голоса. Прежде чем войти в храм, он хотел спросить «не вы ли выходили на контакт со мной раньше, показывая во время моих снов и медитаций замысловатые картинки», но не посмел. К тому же жажда знаний влекла его сильнее и сильнее. Получив приглашение, Ракш мягко влетел сквозь тонкие врата и через мгновение, с замиранием астрального сердца в астральной груди глядя на мелькающие перед ним картины глубокой древности, позабыл обо всём на свете...

Часть первая. Чёрная гора

*...Достойными уважения этого бунтаря стали только те, кто помог ему
вырваться
из хозяйских цепей, вырвался вместе с ним
сражался рядом с ним со стражей и либо пал геройски под ударами мечей
либо ушёл бок о бок с Шахтин Калом за горный передел. И там, рискуя очутиться
в рабстве снова, теперь уже у запредельных варваров
закладывал основы государства бывших рудокопов...*

Глава первая. Рудый хан

...Шахтин Кал. Именно так его ещё с детства окрестили хозяева, теперь уже бывшие.

До того как этот жилистый горбатый карлик из Орнитагора придушил хозяина-мучителя, прирезал дураков охранников и дунул в горы, он, до того счастливого момента получая очередную порцию плетей за явное непослушание, всегда бурчал, что жирные любители мясного допрыгаются очень скоро. Он бурчал себе под нос, но слышно было и другим рабам. Все знали, что любителями мяса Шахтин Кал прозвал свободных жителей Цивилизации.

Господа никогда не принимали всерьёз эти «карканья куска собачьего помёта».

– Грязная тварь, – смеялись надсмотрщики, – ты родился в каменоломнях, вырос в каменоломнях и сдохнешь в каменоломнях. Твоё тухлое мясо сожрут шакалы и вороны, а Орнитагор с его свободными купцами и другими гражданами будет процветать всегда. Да! Радуйся, тварь, что иногда тебе к пустой похлёбке кидают не до конца обглоданные кости и даже в месяц раз тебя ведут на спаривание, – после этих слов извергший их из своей пасти обыкновенно громко ржал, на все четыре стороны разбрызгивая слюни.

«Погоди, гиена! – злобно думал Шахтин Кал, делая вид, будто ничего не слышит. – Когда я приду сюда во главе могучего войска, пусть это случится даже через двадцать лет, я первым делом загоню в каменоломни этих гнусных подлизывателей хозяйских задниц, заставлю их до умопомрачения кирками долбить породы, а потом дам им похлёбки с глазами собственных хозяев, смешанными с калом их дворовых собак. И пусть попробуют не слопать до последней капли!»

Днями и ночами он придумывал самые изощрённые пытки своим мучителям, с наслаждением воображая, как они будут валяться в пыли у копыт его коня. И эти извращённые фантазии способствовали Шахтин Калу засыпать.

Увы, его злобным мечтам не суждено было сбыться: Цивилизация всё время громила собранные Шахтин Калом банды, и часто самому их предводителю удавалось едва удрать от облачённых в латы ратников Орнитагора. А позже, когда неведомый жестокий враг со страным именем артаки взял Орнитагор на меч, мстить Шахтин Калу стало некому. И он тешил себя мыслью, что гнусные и жирные мучители его отныне не наслаждаются своей никчемной жизнью, ибо попросту убиты.

Интересно, что, будучи бывшим рабом, он как-то не задумывался о тяжёлой доле братьев по несчастью. Другие, гнившие в каменоломнях вместе с ним, его и раньше-то ничуть не интересовали. Когда же он бежал и чудом вырвался на волю, собратья по гниению в каменоломнях для Шахтин Кала просто перестали существовать. Все, кто гнёт горб на «культурных» и лижет им зад, не достойны даже капли сочувствия – таковым было непробиваемое жизненное кредо Шахтин Кала. И сам при этом он оказался несгибаемым.

Достойными уважения этого бунтаря стали только те, кто помог ему вырваться из хозяйских цепей, вырвался вместе с ним, сражался рядом с ним со стражей и либо пал геройски под ударами мечей, либо ушёл бок о бок с Шахтин Калом за горный передел. И там, рискуя очутиться в рабстве снова, теперь уже у запредельных варваров, закладывал основы государства бывших рудокопов.

Фортуна с этого момента не покидала Шахтин Кала. Как-то получилось, что вырваться на волю удалось сплочённой группе сильных и свирепых мужчин, не очень молодых, но далеко ещё не старых. Их оказалось почти пятьсот, вооружённых копьями и топорами, отнятыми у стражников, а многим перепали молоты из камня почти волшебной прочности. И как-то

получилось, что в течение аж двух недель, скитаясь по степям, они не встретили ни разу воинственных кочевников, зато уж диких коз и лошадей, гусей и разной мелкой дичи им попадалось на пути без счёта.

Встревоженный недавним нападением на Харид огромной варварской орды, Орнитатор промешкал с организацией погони. На след сбежавших рудокопов каратели Орнитатора вышли, лишь когда те были далеко в степи, а на пути карателей внезапно встала довольно сильная ватага степняков. Двигайся беглецы чуть медленнее, варвары наверняка напали бы на них. И если б Шахтин Кал не настоял пойти не вдоль Большого Горного Хребта, а напрямик через равнину, к этому кряжу примыкавшую, поймать рабов орнитаторской коннице труда бы не составило...

Но в том-то и дело, что вся жизнь Шахтин Кала и его сподвижников состояла из этих несбывшихся «если». Он знал, что рискует жизнью, которой, несмотря на адские её условия, с самого раннего детства дорожил. Ещё задолго до того, как в голове у Шахтин Кала созрела операция побега, он совершенно точно знал, что когда-нибудь очень сильно рискнёт, потом будет всё время рисковать – и выиграет, и будет и потом выигрывать... чего бы это ему ни стоило.

Но за собою увести аж пятьсот человек! Такого даже он не ожидал. Ведь это было уже целое войско. Войско зрелых мужей, жаждущих хоть немного пожить на свободе, готовых в клочки разодрать любого, кто посмел бы на обретенную ими свободу покушаться. Так что возможно и варварам, которые случайно не наткнулись на новое войско пеших беглецов из рабства, повезло не меньше, чем бывшим рудокопам. Битва для обеих сторон оказалась бы ужасной. И вместе с вкусившими свободы рабами заснули б навечно десятки и сотни здоровых и сильных сынов степей.

Бог милостив – опасные немало друг для друга, но при этом друг другу вовсе не мешающие силы разошлись, друг друга даже не заметив. А в результате беглецам из рабства удалось достичь другого кряжа, никем ещё не занятого, где у большого озера перед горой, близ его топких берегов, ватага Шахтин Кала основала государство, поставив во главу как рабского царя его – вождя мудрейшего и духом нескгибаемого Шахтин Кала.

Он даже имя то презренное не стал менять. Так же как и одеваться не стал по-царски. Позже кочевники окрестили его Рудным паханом. Он так и остался доволен сим «титолом», выбросив, правда, из слова «рудный» букву «н». Рудый хан Шахтин Кал – таким стало окончательное имя вождя и основателя страны свободных бывших рудокопов.

«Пусть все вокруг слышат это имя и содрогаются от страха. Я докажу им, разным недоноскам, не нюхавшим хозяйской плётки, что человека с этим именем они должны бояться и... уважать! Мы создадим империю, которой не было, да и не будет равных. И сокрушим навеки гнусную Цивилизацию!» – любил он часто повторять своим друзьям. И ему, конечно, снова повезло.

Кочевники, довольно быстро прознавшие про стойбище сбежавших рудокопов, не захотели почему-то раздавить «это осиное гнездо». Они, конечно, не признали права бывших рудокопов на занятую ими территорию. Но и мешать им обустроиваться там не стали. Возможно, просто не придали их появлению у горного болотистого озера особого значения.

А между тем в том озере водилась в изобилии рыба. И хотя комар имел привычку ночью не давать покоя, это место Шахтин Кал и его люди посчитали подарком судьбы. Ещё бы! Еды здесь было вдоволь – мясной, растительной и рыбной. Пресной воды – целое озеро плюс горные речки и масса источников. Плюс ко всему – прекрасная позиция для отражения атаки численно превосходящего врага: тыл весьма надёжно прикрывался грядой гор, куда в критический момент всегда было возможно с успехом отойти.

«Странно, почему столь шикарное место никто до сих пор не занял», – как-то подумал Шахтин Кал.

Но он не стал особо утруждать себя анализом и поиском зацепок, чтобы найти ответ на сей вопрос. «Наверное, – не долго думая решил он, – кочевникам хватает места на равнине. Зачем им ещё горы даже и с примыкающим к ним озером?»

Короче, на совете командиров обсуждать этот вопрос не стали. К тому же чуть позднее все узнали, что рыбу кочевники особенно не уважают. На том и успокоились.

Работать бывшим рудокопам было не привыкать. И через несколько недель на берегах болотистого озера возникли линии военных укреплений, а за ними поднялись и хижины. И только после этого вожак задумался о том, как жить им дальше без женщин в государстве (когда бы его вообще так можно было называть) столь малочисленном.

По приказу Шахтин Кала смельчаки, рискуя, двинулись назад к горам Цивилизации – конечно, напрямую, через владения кочевников – распространять повсюду слух о новом государстве у озера, расположившегося близ античных гор (то есть, стоявших против гор Цивилизации). Мол, государство это принимает всех беглецов из рабства и тех свободных граждан, кому в Цивилизации жизнь стала не мила. И получилось так, что эти смельчаки достигли цели в большинстве своём живыми и здоровыми и, выполнив задачу, назад вернулись с целым табором и женщин, и детей с мужчинами.

Побеги рабов, мелкие бунты и восстания с целью побега приобрели в Цивилизации серьёзный массовый характер. У городов Цивилизации, которым выпало недавно отразить довольно мощное нашествие кочевников союза варварских племён, конечно, не хватало сил отлавливать освободившихся рабов. Харид же сделал вид, что данная проблема ему не интересна – он ведь единственный из городов Цивилизации поставил рабство вне закона.

Вполне логично выглядели действия окиянов, решивших возложить на себя миссию охраны убегающих из рабства невольников, чтоб те могли живыми добраться до государства бывших рудокопов, которое радушно принимало всех, кто принимал его законы.

Смелые златовласые наездники не боялись сопровождать беглецов от самых гор Цивилизации до античных гор, точнее до озера, стоявшего у Чёрной горы – так называли её кочевники. И озеро тоже именовалось почему-то Чёрным.

Государство бывших рабов и нищих месяц от месяца росло и крепло. К нему спешили, ничего не опасаясь, и явные преступники, властями Побережья осуждённые на каторгу, а то и казнь.

Нередко на пути к нему разыгрывались страшные сражения. Отдельные ватаги воинственных кочевников вдруг изъявляли желание напасть на «отщепенцев», а их сопровождавшие окияны без страха принимали вызов, вовлекая в битву всех охраняемых без исключения.

В таких сражениях обычно им удавалось устоять – форпост у озера, по сути, беспрерывно пополнялся большим количеством мужчин, детей и женщин. Ушедшие из Цивилизации нередко угоняли хозяйский скот, катили в государство бывших рудокопов арбы, гружённые захваченной провизией, одеждой, домашней утварью и прочими вещами, полезными в хозяйстве. Лагерь Шахтин Кала быстро расширялся, застраивался хижинами и домами, постепенно превращаясь в подобие разбойничьей столицы.

Шахтин Кал понимал, что без законов не может существовать никакое, даже самое маленькое, государство. И, видя, кто кроме истинных беглецов из рабства стекается в его ново-

испечённую державу, без колебаний ввёл в своём стойбище драконовские порядки. В первую очередь они касались искателей лёгкой жизни, имевших привычку забывать, кто хозяин территории. Принятым в столицу бывших рудокопов разбойничкам, грабителям и просто ворам очень быстро дали понять, что с Шахтин Калом шутки плохи. За обычное мелкое воровство новоявленные стражи Рудого хана пойманного с поличным грабителя избивали до полусмерти прямо на глазах у народа.

За повторное воровство или нападение с целью грабежа могли просто размазать о стену ближайшего дома. И если, чудом уцелев, ранее наказанный не унимался, на третий раз ему ломали пальцы на руках и на ногах, нередко выбивали зубы и глаза. И уж совсем по-зверски расправлялись с теми, кто, отбирая в наглую у слабого какую-либо вещь, наносил ему ранения или увечья. Застав такого на месте преступления, блюстители порядка резали, пинали, кололи и рвали на куски нахала с такой яростью, что волки, с голоду набросившиеся на добычу, в сравнении со стражей Шахтин Кала, наверное, показались бы щенками.

Крутость нрава Рудого хана, которую он проявлял лишь в отношении любителей несправедливой наживы, столицу бывших рудокопов немало возвеличила в глазах других рабов Цивилизации. Зато разбойники решили, что в стане Шахтин Кала лучше всё-таки смирить гордыню и, как бы неприятно это ни казалось, сменить разбойную работу на другую, пускай тяжёлую и нудную. Всё лучше, чем бегать от стражей Цивилизации, перебиваясь украденным или отобраным. Те же, кто так и не сумел перенастроиться на мирный лад, столицу бывших рудокопов для себя закрыли.

Страна без рабства и преступников, живущая на территории, богатой пищей и не беспокоимая внешними врагами. Найти пристанище в такой мечтали многие.

Через пару лет с момента основания близ озера у подножия горы столицы бывших рудокопов под защиту «рудного пахана» побежали и рабы, и граждане Цивилизации, уставшие от нищеты и притеснений со стороны богатых и разбойников. И даже отпрыски степных племён, которым надоело жить на землях Запределья в постоянных стычках и терпеть набеги от других племен.

Цивилизация пыталась этому воспротивиться, однако войско в сорок тысяч латников, которое, с трудом собравшись со всех концов страны, ушло походом в сторону Античных гор, в степи внезапно окружили орды варваров. Измотанное в многодневной битве, оно погибло почти полностью.

Намерения элиты Побережья разворошить «змеиную нору», что незаконно появилась в трёх днях пути от кряжа Побережья, так и не осуществились. Для этого «культурным» просто не хватало сил: в Цивилизации назрели серьёзные противоречия. Поэтому решили ограничиться созданием лишь кордонов на пути возможных караванов из беглецов, стремящихся попасть в столицу бывших рудокопов. А у окиянов категорически потребовали прекратить сопровождение бегущих отщепенцев.

Как следует подумав, золотоволосые наездники решили уступить Совету Цивилизации. Тем более что вскорости в стране повсюду решением Совета утвердился новый закон, касающийся отношений между рабовладельцами и их рабами. Да и, по правде сказать, не питали окияны каких-либо симпатий к стойбищу у Чёрной горы.

Новый закон гласил, что «если раб умрёт вдруг от побоев или вследствие болезни и выяснить удастся, что хозяин плохо содержал раба или не нанял лекаря, когда вполне нанять бы мог, то будет сей хозяин прилюдно осуждён, заплатит штраф в размере, равном трёхкратной стоимости умершего раба, а одного раба из всех своих оставшихся не медля передаст в распоряжение Совета; если же умрёт из-за его вины, по недосмотру или скупости, второй раб, то хозяин всех своих рабов немедленно отдаст в распоряжение Совета и при этом также будет публично осуждён и льгот, какие бы не имел, лишён да будет, а имя его будет предано на посрамление всех граждан Цивилизации... если же умрёт в селении малоимущий гражданин в виду болезни

или от ран, полученных во время ссоры или нападения разбойников, и выяснить удастся, что имели возможность его родственники, либо соседи, либо кто из состоятельных господ того селения нанять для этого несчастного за свои деньги лекаря, но, пожалевши денег, не наняли, то заплатят эти господа солидный штраф в пользу Совета, а имена их принародно будут преданы на посрамление...».

Так было записано в манускрипте, отражавшем итоги принятия этого закона. Содержание его, конечно же, пришлось по вкусу и окиянам, и многим рабам, и нищим гражданам. Но вызвало протесты со стороны рабовладельцев и имущих. Что с того? Протесты эти потонули в дружном хоре голосов воспринявших Закон как должное. Главное – в числе них оказалось немало воинов.

В Цивилизации они считались далеко не самыми богатыми, хотя, конечно, и не бедствовали. Гоняться же за беглыми рабами, а тем паче за свободными гражданами, которым надоели долги и нищета, военным было попросту противно и неинтересно – вознаграждения можно было и не дожидаться, а мечом или стрелой под рёбра получить вполне реально. Да и зажившие торговцы и рабовладельцы к тому моменту вызывали у воинов большое раздражение. «А ну-ка, пускай умерят аппетиты! Ишь, разожрались!» – восклицали на городских собраниях представители бойцовой касты.

Члены же Совета по поводу протестов недовольных новым законом однозначно заявляли: «В момент, когда исходящая от запредельных варваров угроза день ото дня усиливается, интересы единой Цивилизации требуют смирить гордыню всем, кто рабов и состояние имея, считает себя ревнителем устоев родного государства. Не смирившие гордыню однозначно бросают вызов отношениям внутри страны и попирают основы её стабильности».

После такого заявления рабовладельцы поприуныли, а рабы и малоимущие граждане воспряли духом. Отток людей в столицу бывших рудокопов с Побережья прекратился. Но это больше не мешало государству Шахтин Кала расширять границы своих владений. Войско Шахтин Кала к тому времени достигло численности в тридцать тысяч пеших и пять тысяч конных, хорошо вооружённых и неплохо обученных бойцов.

Глава вторая. Запределье

Широко расстилались земли запредельных варваров. Степи там перемежались с крутогорьями, волнистыми холмами и каменистыми долинами, пересекались быстротечными реками и разливными озёрами с топкими болотистыми берегами.

Варварские племена, что занимали эти земли вплоть до самой северной гряды (Самых северных гор, от которых далее на север начинались овейные разными легендами просторы таинственной страны древнейших великанов, некогда владевших страшной силой молнии и грома) разделялись на светло- и тёмноволосых, на высокорослых и кургузых, на обитателей равнин и на хозяев горных перевалов.

Охотники, собиратели, скотоводы, рыбаки и земледельцы – каждое племя предпочитало что-то одно, но всем были присущи гордый нрав, уважение к силе, любовь к войне и презрительное отношение к Цивилизации со всеми её жителями и устоями.

Между собой запредельные варвары общались по-разному, в зависимости от обстоятельств и настроения. Часто они устраивали кровавые пиры на поле битвы, не брезгуя при этом и торговлей со своим противником. Понять друг друга принадлежавшим к разным племенам сынам степей было нетрудно: диалекты, на которых варвары общались меж собой, с древнейших, незапамятных времен несли в себе довольно толстые пласты единых как по смыслу, так и по звучанию слов, понятий, даже речевых конструкций. У большинства народов Запределья идола и божки были похоже друг на друга, а религиозные обряды нередко совпадали почти одним к одному.

Цивилизация – иное дело. Само это название для варваров, особенно кочевников, звучало как ругательство. Ни капли общего с сынами запредельных степей, как варвары сами себя именовали.

Если бы однажды все народы Запределья собрались под единое знамя, их наступление походило бы, наверняка, на мощное движение огромных волн. Устояла бы под их напором Цивилизация – того и сам Каледос с Кроном всемогущим, богом многих варваров, не ведали. Однако мудростью Всевышнего кочевникам и прочим варварам не удалось за многие столетия ни разу собраться воедино для похода на своего исконного врага – империю культурных.

Разумеется, созерцая отделяющий Цивилизацию от Запределья горный кряж, вожди отдельных варваров пускали слюни. Однако идея всем собраться в одну гигантскую орду пугала даже самых агрессивных.

Зато подраться друг с другом не на жизнь, а на смерть, потоптать поля своих соседей, погулять на славу в чистом поле – у варваров, особенно у степняков, обычно не задерживалось. Впрочем, войны между племенами Запределья обычно прекращались также быстро, как и начинались. Им просто надоедало сражаться, а впечатлений для обмена вечерами у костра успевало накопиться достаточно.

На вопрос «почему вы в этот раз напали на этих, а не на других» вряд ли кто из них ответил бы. С Цивилизацией всё было ясно, как белый свет: жители её богаты и чванливы, хвастливы и высокомерны – таких необходимо проучить, периодически стараясь бить их так, чтоб жизнь им не казалась слишком сладкой. А вот с соседями или с другими сыновьями Запределья всё обстояло куда как сложнее. Богаты? Чушь. Своенравны? Это как посмотреть. Высокомерны? А кто нынче не высокомерен? Слишком удачливы в жизни? Ну вот ещё! Кто это придумал!

Чаще оказывалось, что варвары выбирали себе в противники тех, кто более всего отличался от них образом жизни и внешностью. Всадники любили нападать на привыкших ходить пешком за отарами овец или плавающих на утлых лодчонках по озёрам и рекам. Кургузые и темнолицые жители горных пещер подкарауливали в засадах стройных белолицых конников.

А суровые хмурые жители заболоченных холмов и каменистых долин почитали за честь захватить в рабство и всадников, и горцев вместе с рыбаками.

Так жили поколение за поколением – мелкие ссоры, групповые стычки в диком поле, набеги, походы и развёрнутые боевые действия, захваты пленных и обмены захваченных, торговля рабами и плодами земли, заключение союзов и братания, общие свадьбы и совместные отражения атак со стороны других союзов. И постоянная смена симпатий. Никогда нельзя было предсказать, когда побратимы поссорятся и кого завтра они сделают своими близкими друзьями. Единственное, что было у варваров налицо, причём практически у всех – так это отсутствие ненависти к человеку, возникающей только потому, что он принадлежит иному племени и выглядит иначе.

Часто бывало, что победители в поединках оплакивали убитых ими супостатов вместе с родственниками погибшего. Даже жителей Цивилизации варвары презирали без ненависти. И, конечно же, встретив в степи, в горах или ещё где путника, принадлежавшего чужому племени, никогда его не трогали, наоборот – помогали едой, питьём, одеждой и оружием.

...Практически каждое варварское племя, обитавшее на пространстве от горной границы до Самых северных гор, имело своих мастеров, музыкантов, сказителей, танцоров и лекарей. В создаваемых умельцами полезных предметах: оружии, одежде, утвари, орудиях труда, а также в песнях, танцах, эпосе и способах врачевания – любой внимательный житель Побережья рассмотрел бы немало общих, поразительно похожих деталей.

В сравнении с создаваемым в Цивилизации, всё производимое на божий свет умельцами из варваров казалось огрублённым, нетщательным, не доведённым до совершенства. Словно мастера, принадлежавшие народам с совершенно разным жизненным укладом, нарочно не стремились к вершинам мастерства.

Глядя на какую-либо варварскую вещь, принадлежащую кочевникам или оседлым, можно было подумать, что изготовивший её умелец взялся за работу с жаром, однако очень скоро она ему наскучила – доделывал он наспех, кое-как, лишь бы сотворённой вещью можно было пользоваться. Даже варварские баллады (стихи, повествования и т.д.), начинаясь интересно, эмоционально насыщено, образно и ровно, заканчивались блёкло, равнодушно, коряво, порой не в заданном в начале ритме.

Стремящиеся ближе познакомиться с культурой варваров учёные мужи Цивилизации нередко отмечали в разговорах меж собой, что «варвар никогда не знает любимой песни до конца, он в лучшем случае поёт лишь половину, а чаще и вовсе только самое начало, нередко начинает он с горящим взглядом и открытой душой, а завершает, словно и не пел совсем».

Говорили также, что «мысли варвара, точно блохи, скачут в разные стороны. Только-только они дружно, с огнём в груди, отплясывали под свист своих дудок, как вдруг уже выясняют отношения, мгновенно сменив тему общения на такую, которая, по логике, и вовсе не должна была в подобный момент всплыть из глубин памяти».

Так же варвары и воевали. Почти добившись победы над противником, они могли ни с чего взять и убраться восвояси, а на следующий день, как ни в чём не бывало, пригнать к вчерашнему противнику в стан овец, коней или взятых в других землях пленников – на продажу или обмен. И те, кто ещё вчера считали себя сломленными, надменно торговались, надувши щёки.

Легко соглашаясь на мировую с противником, докучающим более других, запредельные варвары легко и развязывали войну с кем бы то ни было. Оказывалось достаточно не поделить зайца или козулю, перебежавших с одной территории на другую.

Началу боевых действий обычно предшествовал жестокий поединок между одиночными или собранными в отряды представителями разных племён. Бой обязательно заканчивался смертью кого-нибудь из сражавшихся, и это вызывало жажду мести чужакам за пролитую кровь

соплеменника. Никогда ещё за всю свою историю сыны Запределья не предложили друг другу решить любой, даже самый пустяковый конфликт словами или, на худой конец, борьбой без применения оружия.

Драку на кулаках, рукопашную схватку с целью уложить соперника на обе лопатки или, скажем, верховые гонки варвары все как один считали детской забавой, для выяснения серьёзных отношений не пригодной. Другое дело посоревноваться со своими одноплеменниками. Это – праздник души, веселье и радость успеха. Но чтобы вызвать на стрельбу из лука по неживой мишени или силовое состязание какого-то там инородца – по мнению живущих за пределами Цивилизации сынов степей, лесов и гор это выглядело кощунством.

Покушением на заветы предков считалось и выдать дочь своего племени за сына чужого. Смешанные браки среди варваров тогда свершались чрезвычайно редко и запоминались на долгие годы как нечто из ряда вон выходящее.

Впрочем, одно из племён, обитавшее ближе всех к горам Цивилизации, пренебрегло традициями старины. Это были никто иные как окияны – гордые, смелые, отчаянные и свободолюбивые всадники. Они вступали в браки, даже подумать было страшно, с обрюзгшими детьми Цивилизации – что могло быть позорней и презренней!

Окияны и конфликты предпочитали решать мирным путём, вынимая из ножен мечи лишь когда их к этому вынуждали. И на мирном поле состязаться с иноплеменниками в ловкости и силе окияны не гнушались.

Окиянов побаивались. Им завидовали: ещё бы – высокие, красивые, ловкие и умелые во всех делах, честные до безобразия, уживчивые со всеми и при этом всегда удачливые! А какие у них женщины?! Просто хоть волком вой от осознания того, что ни одна из них тебе, чужому сыну Запределья, не достанется...

В глубине души окиянами восхищались и поэтому в открытую их осуждали однозначно как отщепенцев. Когда же златокудрые красавцы, теснимые со всех сторон объединившимися против них другими племенами, попросили приюта на просторах ненавистной всем Цивилизации, их с нескрываемым восторгом заклеямили как предателей.

На гордых златокудрых всадников дурацкие выпады «сборища диких» (так окияны стали называть всех остальных сынов Запределья) впечатления не производили. Переселившись на Побережье, они легко расстались с преимуществами свободного уклада жизни на просторах севернее гор Цивилизации, взвалив себе на плечи нелёгкую обязанность охраны проходов, отделявших Побережье от территорий варваров, считавшихся его врагами.

Оставшихся же верными идее вечной вражды с «культурными» больше всего коробило само осознание их неспособности серьёзно помешать отступникам «утаскивать» на Побережье и другие племена. Когда же златокудрые красавцы бескорыстно взялись сопровождать людей, бегущих из Цивилизации в столицу государства бывших рудокопов, по Запределью прокатилась настоящая лавина раздражения. Предательским и откровенно «наглым» поступком отщепенцев возмутились почти все, включая даже нелюдимых жителей Угрюмых холмов, заросших непроходимыми чащобами и окружённых со всех сторон болотистыми топями.

С наказом поймать и проучить как «отщепенцев культурных», так и их кичливых защитников, посылать дозоры начали со всех сторон, друг с другом даже не сговариваясь.

Окияны же и на этот раз остались верны своим традициям, принявши вызов чуть ли не с радостью. Умение сражаться в открытом поле с превосходящими в числе врагами они ещё раз показали на зависть всем сынам степей. Да и бежавшие в столицу государства бывших рудокопов дрались отчаянно – попытки наказать всех отщепенцев разом успехом не увенчались. Своеобразный город у подножия Чёрной горы рос не по дням, а по часам. И продолжалось это до тех пор, пока Цивилизация не приняла серьёзных мер, чтобы пресечь попытки массового бегства с Побережья.

В это время Шахтин Кал и решил напомнить миру о своём существовании. Несколько лет подряд он строил, укреплял и расширял столицу своей будущей империи, стремясь наполнить её пришлыми людьми, при этом варвары к столице бывших рудокопов как будто и не проявляли интереса. Они не нападали, но и послов не засылали. От варваров не появлялись даже разведчики. Единственное, чем сыны степей серьёзно докучали Шахтин Калу – это частые сражения, которые они развязывали с переселенцами и их окиянской охраной на пути к столице бывших рудокопов.

Из-за кровавых стычек лагерь Шахтин Кала недополучил немало и мужчин, и женщин, и детей, что, несомненно, снизило потенциал его могучей армии. И всё-таки он делал вид, что грязные налёты варварских отрядов на переселенцев, идущих под его защиту, его совсем не трогают. «Право жить в свободном нашем государстве заслуживают только те, кто сам сумел без всякой помощи прорваться к нам с боями через степи, кишасшие разбойниками-степняками», – надменно отвечал обычно Шахтин Кал, когда кто-либо из переселенцев интересовался, почему Рудый хан не позаботился послать навстречу беженцам отряд.

Но поток беглецов к Шахтин Калу иссяк, и оторванность столицы будущей империи от мира проявилась в полной мере. Повсюду Рудый хан посылал своих представителей, все они возвращались живыми и здоровыми, но кроме подтверждения нового титула Шахтин Кала – Рудый пахан¹, ничего от варваров Запределья не приносили.

Все попытки вызвать интерес к новому царству с помощью официальных посланий, предлагающих разным племенам дружбу, союз, торговлю и совместные действия против Цивилизации, остались пустым сотрясением воздуха. Варвары принимали посланцев Шахтин Кала как гостей, но не более того. Никакого почтения к Рудому пахану никто за эти годы ни разу не высказал, никаких подарков в обмен на присланные им не сделал, посланца о жизни стойбища у Чёрной горы особо не расспрашивал. Словно сговорившись, варвары игнорировали существование в их землях новоявленного царства и возможного противника.

Такое поведение народов Запределья Шахтин Калу было не понятно до тех пор, пока он не надумал прикупить у них коней...

¹ Понятие и слово «пахан» по авторской версии произошло от древнеарийского слова «пахарь», означавшее фактически «осеменитель». По мере деградации древней культуры слова в ней искажались и приобретали дополнительные смыслы. Так слово «пахарь» выродилось в слово «пахан» с ударением на первую «а», а затем в слово «пахан» с ударением на вторую «а», что до сих пор в разбойном и варварском мире означают «главарь, предводитель». К началу истории современного человечества (т.е. того, к которому полностью принадлежим мы, нынешние земляне), это слово разделилось еще на два – «хан», которое вошло в употребление на востоке Европы, и «пан» на Западе. При этом понятие «пахан» осталось только в мире воров.

Глава третья. Пахан киммеров

...Это был какой-то странный пахан. Как будто и не пахан вовсе, а простой пастух своего племени. Вёл себя Кимаран вовсе не как глава могучей орды киммеров, слава о подвигах которых гуляла по всему Запределью и Побережью параллельно с легендами о мужестве, силе и ловкости окиянов. Знатоки утверждали, будто по численности, умению сражаться и стремительности страшного по своему напору натиска равных киммерам нет во всей Вселенной. Кроме окиянов, разумеется.

Киммеров на самом деле боялись. Ходили слухи, будто киммерские витязи, отважные из отважных, ходили даже за Самые северные горы, в таинственные земли древнейших великанов, где каждая пядь земли была насквозь пронизана волшебством. В битве киммеры свирепели подобно раненому вепрю из дикого леса, пощады рискнувшим напасть на них не давали никогда. К ним остерегались посылать парламентёров: могут, якобы, и кожу заживо содрать, чтобы, набив её травой, соорудить на страх соседям чучело.

И головной пахан этих овечьих легендами бойцов, будто бы не расстававшихся с конями и во время сна, посланника столицы бывших рудокопов встретил непритворно ласково. Словно слухи о крутости киммерского нрава являлись лишь сплетнями трусов.

Кимаран пригласил Киота в свой шатёр, едва узнав о его прибытии. Посланник Шахтин Кала вошёл в скромно обставленное, но чисто убранное войлочное жилище предводителя киммеров, плохо скрывая тревогу за свою жизнь. Ожидал увидеть перед собой вальяжного хозяина степей, безвкусно, по-варварски разряженного в награбленные тряпки. Думал, сейчас пахан, пренебрежительно жестикулируя увешанной перстнями рукой, укажет ему место подле своих ног. А может и заставит целовать «облагороженные» пылью и навозом сапоги. Действительность же оказалась совсем иной.

Кимаран встретил Киота простой улыбкой радушного хозяйчика, давно заждавшегося гостей. Никаких дорогостоящих халатов и перстней – обычный киммер, одетый в меховую безрукавку, грубо пошитую из бараньей кожи, обутый в любимые кочевниками мягкие, из той же шкуры, сапожки. Даже длина безрукавки у пахана оказалась такой же, как и у воинов – на две ладони выше колен. А ноги, как повелось у варваров Запределья, выше верха сапог и ниже края куртки были совершенно голыми, разве что «украшенные» собственными волосами.

Откинувшись спиной на ворох высоко уложенных овечьих шкур, главарь киммеров отдыхал у очага, сложенного, по всей видимости специально для него. С одного лишь взгляда на этот очаг можно было понять, что укладывали его руки искусного мастера Цивилизации. И не просто из камня, а очень дорогого камня, добываемого высоко в горах, таящего в себе магическую твёрдость глубочайшей древности. Теперь на этом камне, волей и умением мастера превращённого в отличную походную печурку, с приятным треском веселилось ласковое пламя.

На полотне из кожи перед ханом лежал большой вертел с довольно хорошо прожаренным барашком. От одного лишь вида вкусно пахнущего мяса Киот судорожно сглотнул слюну. Для Кимарана это не осталось незамеченным. Отхлебнув из глиняного кубка что-то веселящее, он поприветствовал Киота на языке Цивилизации:

– Заходи, дорогой, будешь гостем у меня, пахана запредельного. Кимаран давно гостей не видал – истосковалась душа. Хочется угостить какого-нибудь чужака виноградным вином и свежей бараниной, хочется услышать его байки о том, что в других землях делается. Ты, я вижу, из Орнитагора? Давно оттуда? Сам сбежал или как?

И, не давая Киоту опомниться, пригласил к очагу, протянул ему вертел с барашком, в поджаристом и сочном боку которого торчал кривой кинжал на деревянной рукояти. Волшебным образом перед Киотом появился кубок, подобный ханскому. Хозяин сам его наполнил до краев духмяным розовым вином из кожаного меха.

– Давай-ка, рудная душа, поешь-ка славно да выпей жадно. Да доводилось ли тебе с самим паханом трапезу делить? – по-свойски гоготнул Кимаран.

Заметив же, что гость не может сообразить, как лучше поступить, вождь киммеров криво ухмыльнулся:

– Э, я вижу, ты ожидал другого приёма. Думал, киммеры гостей как пленников привечают. Ха-ха! Вот как нами запугали. Да только не бойся. Я не вепрь, с клыками не наброшусь. Давай, поужинай с дороги, – и, не дожидаясь действий гостя, хозяин откромсал от жареной лопатки солидный кус и прямо на кинжале протянул ему.

Киот сообразил, что нерешительностью в данном случае смущать хозяина не следует, поскольку милость пахан способен моментально сменить на гнев. Ухватившись за протянутый ему кусок баранины, он принялся со смачным чавканьем жевать его, затем, чтобы не поперхнуться в спешке, громко прихлебнул из кубка.

– Вот как едят голодные пришельцы из Орнитагора! – воскликнул пахан и снова дико гоготнул.

В голове Киота зашумело, на душе же сделалось спокойно и приятно, захотелось пить и есть как можно дольше. Когда же он опустошил свой кубок в третий раз, голову ему приятно закружило, а язык сам собою развязался:

– Прости нас, дураков, великий хан, но притащился я через всю степь к тебе не просто, чтоб пожрать – за делом. А точнее, послал меня к тебе мой друг и командир, вожак столицы бывших рудокопов, великий воин и главарь рабов орнитагорских шахт, гроза Цивилизации, любимый всеми нами Шахтин Кал, – выговорил он заплетающимся языком.

Кимаран смеялся громко и раскатисто. Когда последняя смешинка скатилась с его заросших жёсткими усами губ, он, промочив сначала горло вином, похлопал Киота по плечу:

– Артист, искусник! Молодец, хвалю! Давно не слышал я таких забавных речей. Как здорово, что ты пришёл развеселить стареющего хана. (На самом деле Кимарану не было ещё пятидесяти лет; в силе же и ловкости лишь единицы из молодых бойцов отваживались спорить с ним).

– Значит, говоришь, ты послан этой, как её... Вот незадача: забыл, – играючи пахан киммеров хлопнул себя по лбу. – Как его звать-то бишь? Похоже что-то вроде на кучу, хм, навоза. Ну-ну, прости, я не хотел тебя обидеть, просто спяну не запомнил. Ах да! Кал шахты – вот как зовут посланного тебя ко мне, ха-ха!

«Началось. Сейчас пахан покажет настоящее лицо», – подумал Киот и, в одно мгновение протрезвев, набрался всё-таки храбрости поправить Кимарана:

– Рудый хан Шахтин Кал – так зовут моего друга и командира! Вовсе не кал шахты. Просто звучит похоже. Но он никакая не куча. Он подстать тебе, великий пахан! – последнюю фразу Киот выдал громко, с явным вызовом в голосе.

Он, видимо, думал, что Кимаран продолжит высмеивать его вождя или насупится. Но Кимаран повёл себя иначе. Прекратив смеяться, он миролюбивым тоном согласился с этой поправкой.

– Охотно верю, что такой отважный человек, как Рудый хан, имеет право представляться равным, к примеру, мне. Да и другим паханам Запределья тоже. Ведь у Чёрной горы за последние лет триста никто не останавливался хотя бы на минуту, не то чтобы годами жить подле неё. Но сколько времени ещё гора позволит пастве Шахтин Кала пользоваться её дарами? – Кимаран задумался.

Примерно четверть часа в шатре стояла тишина, лишь слабое потрескивание пожираемых огнём поленьев в очаге ласкало слух. Но скоро Кимаран вернулся к делу. Киот, конечно, был приятно удивлён. Хан выслушал посланца, не перебивая.

Он широко зевнул, когда посланец поставил точку в сообщении, и, помедлив пару минут, вдруг сладко потянулся и предложил перенести беседу на завтра.

– Иди-ка спать, дружище гость. Как любят говорить в степи, проспавшись, человек становится мудрее. Голову, поди, туман застилает, а глаза сами закрываются. Так что отдохни как следует, а утром услышишь наш ответ. Эй, кто-нибудь из охраны, уведите гостя в его шатёр. Да позаботьтесь, чтобы подушки там оказались мягкие, – распорядился Кимаран.

Киот заснул, едва свалившись на подстилку из овечьей шерсти. От входа в отведённый для него шатёр тянуло напоённым ароматами различных трав свежайшим воздухом. Цикады, непрменные артисты ночи, звенели успокаивающе. И после долгой скачки по равнине, опалённой солнцем, все органы и мышцы жаждали подстилки и покоя. Что завтра скажет пахан киммерский, в ту ночь Киота не волновало. А наутро...

– Увы, дорогой. Взять взамен лошадей сокровища из недр Чёрной горы мы никак не можем, – чернокудрый Кимаран отодвинул от себя янтарный слиток величиной с крепкий кулак силача. – Извини нас, конечно, но таковы наши родовые правила – ничего от Чёрной горы не брать.

– Впрочем, – продолжил он спокойным тоном после недлинной паузы, – ты волен со мною спорить. Если вы найдёте сокровища в других местах, а лучше вещи, нужные в быту: оружие, колёса для арб, сами арбы, ту же вяленую рыбу, но не из озера у Чёрной горы, а из другого водоёма – мы так и быть, прикинем, сколько лошадей вам сможем уступить.

«Дело дрянь», – мрачно подумал Киот.

Но тут же он собрался с мыслями:

– Мудрый пахан, мы ищем коней не для того, чтобы рыскать по землям Запределья. Единственное наше желание в этой жизни – отомстить. Ты знаешь кому. Культурные – такие же враги вам, как и нам. Предки завещали вам разрушить эту империю соблазна и несправедливости. От неё всё зло на земле. И если не хотите продать нам коней, идите вместе с нами.

– На Орнитагор? – задумчиво спросил пахан, бросая слегка рассеянные взгляды поперх Киота.

– Сначала на Орнитагор, потом и на другие города. Пока не сокрушим Цивилизацию, этот рассадник зависти и сибаритства, империю несправедливости и зла.

– Чтобы на месте сокрушённой воздвигнуть свою империю. Станет ли эта она империей добра? – Кимаран пустился в рассуждения, продолжая глядеть куда-то в сторону от Киота. – Конечно же, нет. И знаешь почему? Потому что вы её никогда не постройте. Старая Цивилизация несокрушима – все ваши попытки развалить её ни к чему не приведут. И потом, почему это киммеры должны видеть в вас своих союзников, а, скажем, не врагов?

– Потому, мудрый пахан, – спокойно отвечал Киот, – что с вами у нас одна цель – сокрушить империю культурных. Какой нам смысл враждовать? Мы ведь были рабами у господ Цивилизации. Мы знаем, что такое несвобода. Помогая нам, вы помогаете и себе.

– Не думаю, – Кимаран в задумчивости опустил ресницы. – В отличие от вас мы свободными были всегда. И у нас ведь тоже есть рабы. Почему бы нам рабами и вас не сделать?

Последними словами Кимарана Киота словно обожгло. Он даже не сумел ответить. И Кимаран продолжил:

– Ты говоришь, вы ненавидите Цивилизацию. Возможно, так оно и есть на самом деле – спорить я не буду. Но ведь, признаться, именно стараниями рудокопов Цивилизация сумела устоять на Побережье. Именно вы добывали руду, из которой мастера культурных получали медь и выковывали мечи, щиты, панцири, наконечники для копий и стрел. Именно вы, рабы каменоломен, выдалбливали из пород для ваших ненавистных хозяев твердейший камень, идущий на строительство домов и крепостей. За миску паршивой похлёбки вы делали такую тяжкую работу, которую никто из культурных выполнять не стал бы. Не будь вас – не возникло бы и Цивилизации.

Киот был сражён. Он лихорадочно искал слова для достойного ответа, но в голову ему не приходило ничего. Он чувствовал: пахан киммеров неправ – жестоко неправ. Нельзя обви-

нять человека только лишь за то, что волей обстоятельств он оказался не в силах противиться судьбе. Однако он и понимал, что если посмотреть на жизнь глазами вольного кочевника, привыкшего решать проблемы с помощью оружия да на коне верхом. Да с детства. Увы, но в рассуждениях пахана несомненно присутствовала логика – железная, бесчеловечная, жестокая, но убедительная до отвращения...

Главарь киммеров между тем продолжал:

– Тебе нечего возразить. Да и вряд ли мы вообще смогли бы когда-нибудь понять друг друга. Ваше новоявленно племя пасынков Чёрной горы и восхищает, и пугает одновременно. Поразительно, почему, проходя по границе наших земель, Шахтин Кал со своими братками сумел миновать кочевые разьезды. Удивительно, за какие такие достоинства гора так долго терпит вас подле себя. И главное, на вас ведь до сих пор никто не нападал! Из-за страха перед Чёрной горой?

Пахан помолчал, с наморщенным лбом посидел в тишине и вдруг завершил беседу:

– Ладно. Наши условия тебе известны. Если киммеры и пойдут когда-нибудь в Орнитатор, то сами по себе, не с вами вместе... Возвращайся к своим. Привозите товар, взятый вами подальше от Чёрной горы. Тогда будет, как ты говоришь, деловой разговор. Мы возьмём и оружие. Но одно усвойте твёрдо: если ваша орда начнёт мешать нам или нашим союзникам, мы всей своей мощью обрушимся на вас. Пока всё ваше племя сидит у Горы, вы в безопасности. От нас и наших соседей, разумеется. Всем скопом сорвётесь с места, спокойной жизни мы вам не гарантируем...

Кимаран разрешил Киоту навестить соседей, кочевавших на смежных с киммерскими землях. Посланник Шахтин Кала побывал в гостях у джакков, драккунов, варнаков, что занимались скотоводством и грабежом, особенно варнаки. Все они разводили неплохих лошадей и коров на продажу для походов. Увидев в руках Киота янтарные и золотые слитки, предводители кочевников пустили слюни. Однако и на этот раз не состоялось ни единой сделки: Чёрная гора пугала каждого.

Сообразив, что напрасно теряет время, Киот вернулся к Шахтин Калу с посланиями варваров. Подавив в себе взорвавшуюся было ярость, Рудый хан задумался.

Мысли Шахтин Кала

...Перебежчики из Цивилизации кое-что с собой принесли. Но даже если удастся собрать достаточно товара для покупки хотя бы тысячи хороших лошадей, примут ли эти деньги и ценные вещи варвары? Киот рассказал, будто прежде чем сказать «нет», главарь киммеров позвал человека с какой-то странной штучкой в руках. Человек поднёс эту умещавшуюся на ладони штучку к слиткам, и эта штучка засветилась изнутри и запищала, как живая. Только после этого киммерский хан забеспокоился, велел убрать из своего шатра все наши драгоценности.

Такие же штучки оказались и у вождей других племён. Что, если эти штучки волшебные и помогают определить, действительно ли предложенные в обмен на лошадей или что-нибудь другое вещи не от Чёрной горы? И если это действительно так, то какие вещи волшебная штучка посчитает дарами Чёрной горы – найденные и добытые нами здесь или же и те, что привезены сюда, полежали на этой земле и приобрели от Горы какие-то непонятные нам, но пугающие варваров свойства?

Изрядно поругав Киота за то, что не догадался выпросить об этом подробнее, Рудый хан решил не испытывать судьбу, не злить варваров, а начать настоящую охоту на торговые караваны...

... Однажды он «набрёл» на мысль о походе в таинственные земли древнейших великанов. «Если бы они до сих пор существовали, – подумал Рудый хан, – то, скорее всего, уже давно явились бы в Запределье и подчинили бы себе не только варваров, но и культурных, а то и вовсе истребили бы всех низкорослых своими молниями. Скорее всё-таки там не существует никого, кто мог бы представлять для нас серьёзную угрозу. Варвары же просто страшно любят придумывать красивые легенды про волшебников, могучих великанов и необоримых чудищ.

Разумеется, дыма без огня не бывает. Наверняка, когда-то великаны или другой могучий и искусный народ за северными горами жил. Скорее всего, они вымерли очень давно. Но что значат для золота тысячи лет? Ни вода, ни огонь, ни ветер не способны сделать камни-самоцветы малоценными. На то ведь и сокровища, чтобы цениться вечно, переходя от поколения к поколению. Но раз имеются сокровища, их можно разыскать! Вряд ли их растащили по миру пришельцы из разных земель: страх перед древней магией надёжно защищает эту древнюю страну от всяческих грабителей. Значит, никто не помешает нам обшарить там все пещеры и вывезти хотя бы маленькую толику богатства древних великанов»...

Рудый хан настроился было отправиться в столь романтический и рискованный поход, как вдруг засомневался: а что, если волшебные штучки варварских паханов умеют распознавать подарки не только от Чёрной горы?

Днями и ночами Шахтин Кал терзался в поисках ответа на сей вопрос.

«Экспедиция за Самые северные горы потребует много времени: только до гор верхом при хорошей погоде и минимуме стычек с разъездами обитающих на пути племён придётся потратить не меньше месяца. Сколько воинов может погибнуть по дороге?.. Но даже если всё пройдет как нельзя лучше и отряд раздобудет золото, прорвётся ли он с этим грузом назад?

Ведь если кто-нибудь из этого отряда случайно окажется в плену у местных, те дознаются о цели нашего похода. Тогда встречать нас на пути домой они придут большой ордой – наверняка перехватить богатства... Чтоб точно вытащить сокровища из тайников, закопанных в пещерах древних великанов (а вдруг их там и вовсе нет?!), потребуется либо хорошо обученное войско тысяч в сто пятьдесят, либо чтоб тебя боялись, как киммеров».

«Интересно, а что киммеры нашли там, в волшебной стране? – однажды вдруг подумал Рудый хан. – Ведь если верить слухам, они не так уж и давно ходили за северные горы. Не послать ли к ним кого другого, похитрее, чтобы он вызнал-таки подробности того похода, о котором бродят слухи по Запределью?»

Но, как следует подумав, Шахтин Кал решил, что все его идеи насчёт страны древнейших великанов по меньшей мере преждевременны и нерациональны.

«Если уж искать сокровища, то лучше углубиться в недра приютившей нас горы: там их наверняка полным-полно!»

И тут же он этой мысли испугался:

«О чём я? Варвары же их не возьмут. Тайком предлагать их купцам Цивилизации? Тоже несерьёзно: власти строжайше запретили купцам культурных с нами торговать – скрытно можно будет продать лишь малую толику. А что если в недрах Горы кроме золота и драгметаллов таится нечто более важное? Что, если, отыскав это нечто, мы получим что-нибудь более интересное, чем лошади? Может, в тайниках этой громады, боятся которую исключительно все, кроме нас, некие могущественные силы укрыли от глаз людских такое, что лошадей способно сделать ненужным элементом в армии?».

Дурные мысли, внезапно всплывшие откуда-то из подсознания, вселили в душу Шахтин Кала такое беспокойство, что ему стало явно не по себе. «Волшебство! – жгучей искрой прошило ему голову. – Ненавижу волшебство! Об этом лучше не думать, иначе покоя не будет!».

Всеми силами воли он прочь погнал догадки о могущественном нечто, которое могло храниться под покровом Чёрной горы, ставшей для варваров пугающей химерой. Он ещё не осознавал, почему следует страшиться древнего волшебства, но вырывающийся из глубин

наследственной памяти страх будто клещами перехватывал его дыхание. И, чтобы заглушить это чувство, словно свинцом наливающее сердце, Рудый хан принял твёрдое и бесповоротное решение идти на Орнитагор пешими силами при поддержке малой конной дружины... Как и следовало ожидать, оно оказалось весьма скоропалительным.

Глава четвёртая. Чёрные рейдеры

Рудый хан стыдился самого себя. Ему даже казалось, что краска заливает его лицо не только днём, но и ночью. То была краска гнева и стыда одновременно...

Прокол, допущенный в самом начале кампании против «культурных», уронил Шахтин Кала в собственных глазах. Но, будучи с рождения надёжно защищённым от внутреннего самобичевания, негодованье, вызванное непростительной тактической ошибкой, он благополучно перевёл с себя на ненавистных неприятелей – желание когда-нибудь (а лучше поскорее) развалить до основания Цивилизацию и всласть поиздеваться над лучшими её людьми росло в его душе с количеством провальных вылазок на территорию «извечного врага».

В первом рейде приняло участие примерно пять тысяч пехотинцев и около четырёхсот всадников. До половины конников были выходцами из народов Запределья. Они прибились к войску Шахтин Кала в силу обстоятельств, и полагаться на них особенно не следовало. Но выбора у Шахтин Кала не оставалось. И весь расчёт он строил на внезапности удара по противнику.

Почти месяц пешее воинство Шахтин Кала ночами пробиралось от Чёрной горы до края Цивилизации, направляя путь на юго-запад. Первой должна была пасть застава коренных орнитагорцев – довольно многочисленная и сильная в обороне. Затем, как думал Шахтин Кал, его бойцы, нарочито шумя, начнут активно разбредаться по долине, соединявшей выход в Запределье с дорогой на Орнитагор.

Подвластные Орнитагору фермы, шахты и селения, а также крепости, которые должны были попасться на пути у бывших рудокопов, непременно подвергались разорению. Узнав об этом, власти снарядили бы отряд на ликвидацию агрессоров. Осталось бы только заманить его в засаду.

Больше всего Рудый пахан рассчитывал на сотни молодых варнаков, принявших предложение разделить добычу с бывшими рабами, при этом не вступая в открыт бой со стражниками Орнитагора там, где сила была на стороне защитников добра Цивилизации. По уговору с Шахтин Калом, крикливые раскрашенные бестии должны были ударить на воинов Орнитагора уже в степи.

Так планировал Рудый хан. В сущности, поначалу план вроде бы начал выполняться, если не брать во внимание подозрительную малочисленность стражников, на которых внезапно со всех сторон обрушились его бойцы. Орнитагорцы сражались необыкновенно вяло и, быстро побросав свои посты, трусливо разбежались. Не задерживаясь у прохода в долину, рейдеры Шахтин Кала, разукрупнившись на два десятка независимых отрядов, пошли с размахом жечь и грабить окрестные деревни.

Они осадили и горные цитадели. Но когда спохватились, выход из долины оказался перекрытым целой тучей орнитагорских панцирников и лучников. В самый последний момент Шахтин Калу стало ясно, что его бесцеремонно предали. Кто-то разгадавший планы Рудого пахана заранее предупредил сенаторов Орнитагора о вторжении – стратеги горного огорода со всей ответственностью подготовились к встрече войска беглого раба. Лишь чудом Шахтин Калу удалось, укрывшись в толще варварских наездников, прорваться через мощные заслоны орнитагорской конницы и ускакать на волю.

Варнаки так и не пришли на помощь. Увы, но только на выносливость коней пришлось ему тогда надеяться. Отряд орнитагорских всадников, помчавшийся в погоню за Шахтин

Калом, варнаков на своем пути не встретил. Увидев, что «культурные», перехитрив, зажали черногорцев в тиски, варвары предпочли заблаговременно ретироваться, забыв и про возможность захватить добычу в виде панцирей, мечей, приличных седел и другого снаряжения орни-тагорских всадников.

Впрочем, Рудый хан ушёл от той погони невредимым и о предательстве варнаков вскоре позабыл. «При случае я хорошо припомню этим скотам», – отметил он тогда, вернувшись к стойбищу, и вычеркнул варнаков из рядов своих возможных союзников в борьбе с Цивилизацией.

Рядовые жители столицы государства бывших рудокопов о поражении чёрных рейдеров, к счастью Шахтин Кала, не узнали: тот поход был организован так, что войско ушло из стойбища глубокой ночью без топота и криков, причём это были сплошь одинокие мужчины, исчезновение которых осталось незамеченным. Рудый пахан, конечно же, опасался, что, возвращаясь в лагерь, бойцы проболтаются своим знакомым. В душе он даже обрадовался, узнав, что пешее ядро того ударного отряда погибло почти полностью.

Второе нападение на окрестности Орни-тагора он спланировал намного более удачно. Отряд на этот раз был маленьким – лишь триста самых опытных, выносливых бойцов верхом и с запасными лошадьми. Набег устроили в сезон густых туманов. В то время из-за холода и сырости никто из варваров в поход обычно не выступал – привыкшие к этому стражники Орни-тагора в сезон туманов теряли бдительность.

Обмотав тряпьем копыта лошадей, набегники прошли в долину ночью. Но не через перекрытый тяжёлой медной цепью въезд шириной почти в сто локтей, а по тропинке, о которой почти никто из местных жителей не знал. Несколько сотен стражников Орни-тагора оказались совершенно неспособными к сопротивлению: Шахтин Кал заранее позаботился о креплёном вине с добавленным в него порошком из редкой травки. Проезжавший мимо блокпоста орни-тагорцев караван купцов щедро угостил охочих до чужого пограничников.

Не отличавшиеся прозорливостью, орни-тагорские тупицы даже не полюбопытствовали, откуда непролазною порою на окружной дороге взялись купцы и почему они вдруг так расщедрились. Попробовав халявного вина, ещё ни разу не вкусившие угрозы смерти молодые парни обрадовались вкусу напитка, а дальше сработала простая бесшабашность и характерное для юношей желанье покутить на дармовщинку. Расплачиваться за беспечность пришлось той же ночью. Чёрными тенями бродили по заставам беспощадные воины Чёрной горы, обрывая взмахами мечей и копий жизни крепко спящих молодых орни-тагорцев. Никто из них не сумел убежать, никто не остался в живых...

Переждав на заставах до следующей ночи, отряд Шахтин Кала направился в окрестности Орни-тагора, безмолвно и жестоко нападая на попавшиеся по пути селенья, фермы, небольшие городки и шахты. Рабам представляли возможность выжить, разбивая кандалы на их ногах и строгим шёпотом приказывая молча присоединяться к отряду мстителей. Те же, кто пытались разбудить своих надсмотрщиков или хозяев, в мгновение ока падали на холодные камни, чтобы больше никогда не подняться.

Наступал суровый, затянутый в туманы день, и молчаливые бойцы опять затаивались посреди холодных, мрачных и скалистых гор. Ночами же отряд бесшумно продвигался змеей, петляя по тропинке среди гор и скал, и вновь очередное попавшееся на его пути селение довольно быстро превращалось в кладбище. Уничтожали всех не пожелавших присоединиться к отряду и показавшихся богатыми. Твердыни обходили стороной. На шахтах забирали драгоценные металлы и янтарь. С собою угоняли также лошадей и мулов. Домашний скот: коров, овец и коз – на месте же и забивали, стараясь, не откладывая до утра, изжарить на кострах и съесть.

Немногим больше месяца отряд разбойничал в окрестностях Орни-тагора. О пролитых беглыми рабами потоках крови не знали ни в самой столице, ни в уцелевших деревнях, ни

в крепостях. Когда ж сезон туманов завершился и солнце стало снова щедро заливать орнитогорские теснины, между селениями, как обычно, возобновилось сообщение. Только тогда вся «нарисованная» черногорцами картина представилась глазам сенаторов. Но многократно выросший, отяжелевший от добычи отряд уже был близок к своему стойбищу.

Ватаги жаждущих поживы варнаков, прознавших об удаче Рудого пахана, принялись поспешно собираться на пути у возвращенцев. Словно стаи голодных шакалов кружили эти голодранцы по степи неподалёку от дороги, по которой следовали черногорцы. Однако напасть на сильный и свирепый отряд варнаки не посмели. Тем более что очень скоро навстречу возвращавшимся с добычей рейдерам отправился Киот во главе войска в десять тысяч пеших копьеносцев.

Несколько дней подряд в столице государства бывших рудокопов шумно пировали по случаю победы. Подсчитав трофеи, Рудый хан возликовал: обоз с захваченным в Орнитогоре добром тянул не меньше чем на пару тысяч выносливых, приученных к атакам рысаков. «Конечно, если эти трусы варнаки предложат за трофеи коней больше, чем киммеры, я так и быть – прощу им прошлое предательство», – подумал Шахтин Кал. И вдруг напрягся: «Демон меня раздери! А что если волшебная штучка киммеров опять загапризничает? Трофеи-то вот уже несколько суток лежат на нашей территории! А ну как Гора наделит их чем-нибудь, что опять напугает варваров?!»

Новое посольство к Кимарану под охраной десятка тысяч ратников отправилось немедленно. Предпринимался весьма рискованный, поспешный шаг, поскольку везти трофейное оружие, металлы и янтарь пришлось через открытую равнину. Сезон туманов завершился – большой отряд в степи любой заметил бы издали. Но если одинокий человек по варварским просторам мог ехать спокойно (неписанные, но для всех священные заветы Запределья призывали к жесточайшим мерам в отношении любого, кто вздумал бы напасть на одиночку), то караван, причём отлично охраняемый, имел все шансы превратиться в добычу. Даже сильное войско не остановило бы тех же драккунов или варнаков на их землях.

В надежде снизить риск до минимума, возглавивший караван и охрану Киот (сам Шахтин Кал не захотел встречаться с Кимараном) вёл отряд только ночью. Днём его люди ставили повозки в круг и, отдыхая, не теряли возможности успешно отразить атаку степняков в любой момент. На радость черногорцам, их каравану удалось без боя добраться до границы киммерских земель.

Киоту было невдомёк, что Кимаран, давно уже следивший за действиями Шахтина Кала, выслал для охраны каравана отряд отважных всадников. Кружа вне поля зрения людей Киота, они безжалостно набрасывались на любую ватагу степняков, пытавшихся преследовать богатый караван. Когда же он дошёл до ставки главаря киммеров, Киоту стало ясно, почему за время перехода в сторону отряда не полетела ни одна стрела.

А потом пришло новое разочарование. То, что предложил за весь товар пахан киммеров, вызвало у Киота, а потом и Рудого пахана приступ ярости. Вместо двух тысяч крепких рысаков (а именно на это, по подсчётам Шахтина Кала, тянул предложенный киммерам караван) главарь киммеров предложил всего лишь пятьсот кургузых кляч, в числе которых находились и откровенно старые, и явно нездоровые животные.

– Передай вождю сбежавших рудокопов, что киммеры уважают храбрость вместе с хитростью, проявленные вашими людьми во время их набега на окрестности Орнитогора. Но, к сожалению, дать больше этого за присланное вами мы не можем.

– Но почему же, мудрый хан?! – не удержался от возмущения Киот. – Ты же знаешь, сколько на самом деле стоит добытое нами! Заметь, мы привезли это тебе, а не кому-нибудь другому. Варнаки были ведь готовы выставить за этот караван не меньше трёх, а то и больше тысяч дойных кобылиц! Но мы решили уступить наш караван тебе! Ну, согласись, пахан, что меньше двух тысяч рысаков такой богатый караван не стоит.

Кимаран вдруг помрачнел, от его гостеприимности тот час же не осталось и следа.

– Ты, может, хочешь мне сказать, что не согласен на такую сделку? Погонишь караван к варнакам? Что ж, иди. Но знай: как только этот караван пересечет границу нашего кочевья, закон гостеприимства перестанет на него распространяться. И если джакки, драккуны или варнаки нападут на ваше воинство, я пальцем не пошевелю, чтобы помочь вам, как я уже проделал это, когда вы шли к нам в гости. Но это, дорогой, ещё не всё. Ты мне заплатишь пошлину за беспрепятственный проход по нашим землям вместе с караваном и его охраной. Это обойдётся Шахтин Калу примерно в четверть каравана. Так что смотри, браток, не прогадай.

Пахан с минуту помолчал, демонстративно повернувшись к посланнику спиной. Потом, не оборачиваясь, как бы между прочим заметил:

– Однажды вы уже связались с варнаками. Хотите продолжать и дальше с ними дружбу? Продолжайте, если не способны понять, с кем в Запределье лучше поддерживать такие отношения. Во всяком случае, киммеры бы тогда не бросили вас на произвол судьбы.

Киот напрягся:

– Не намекает ли тем самым мудрый хан киммеров на то, что если мы продолжим с вами деловые отношения, то в дальнейшем сможем рассчитывать и на военный союз с киммерами?

Киот хотел во что бы то ни стало найти для Шахтин Кала оправдание за столь невыгодную сделку. И этим оправданием могла бы стать надежда на дружбу с Кимараном, пусть и весьма холодную. Возможность, пускай хотя бы только на словах киммерского пахана, эту дружбу обрести за счёт заведомо невыгодной для черногорцев торговой сделки вполне могла явиться для Киота своего рода поводом на оправдание. Он понимал, что Рудый хан, конечно, будет не в восторге от этой сделки, даже если Кимаран напишет ему официальное послание, которое подаст надежды Шахтин Калу на помощь в борьбе с культурными. Ну что сегодня значат одни слова, ничем не подкрепленные на деле?

Однако выбора Киоту не предоставлялось, ибо из предупреждений Кимарана было видно: ни до варнаков, ни до ещё кого-либо в степи и ни тем более назад до стойбища отряд Киота не доберётся. Как ни противилась его душа, но столь невыгодную сделку совершить ему пришлось. И если уж нельзя было открыто, с гордо поднятою головою, возразить вождю киммеров, то хотя бы слово – обещание или простой намёк лишь на саму возможность военного союза киммеров с черногорцами – хотя бы это, посчитал Киот, ему необходимо было услышать от Великого Пахана.

– Что же, – характерно пожевав губами, ответил сухо Кимаран: – Ты много хочешь – слишком много. Знаю – ты хорошо осведомлён о нас, о том, что мы, киммеры, слов на ветер не бросаем. В отличие от некоторых... Но коли мы умеем слово, нами данное, держать, то вытянуть его из нас вот так легко, как хочешь ты, Киот, ещё ни у кого не получалось. И не получится... Но ты... О да! Я понимаю: тебе хоть что-нибудь потребно привезти пославшему тебя вождю сбежавших рудокопов. Я мог бы вообще тебе не дать ни клячи, отпустив твой караван на все четыре стороны.

На этом месте Кимаран пустился в рассуждения:

– Ручаюсь: узнав, что мы от вашего товара отказались, в радиусе минимум пятнадцать конных переходов никто бы не осмелился начать переговоры с вами. И вы сидели бы с добром, отобранным в окрестностях Орнитагора у простофиль, в своей столице без лошадей, ха-ха! ... Впрочем, насколько мне известно, пять тысяч конников у вас имеется. И этого вполне вам хватит совершить хороший въезд в Орнитагор в открытую. И потерпеть там поражение с достоинством.

– Короче, – пахану вдруг наскучила беседа с Киотом, – передай-ка хану Калу (на последнем слове он сделал акцент и усмехнулся), пока у вас имеется возможность заслужить доверие киммеров. И даже уважение. А что до дружбы, то ты знаешь сам: друзья ведь познаются в беде.

На всё есть воля Крона, великого и всемогущего. Признаться честно, он когда-то был и вашим богом. Очень жаль, что вы его забыли.

Сделка состоялась. С поникшей головой, неся немалую тревогу в сердце, черногорцы во главе с Киотом погнались к стойбищу полтысячи неважных с виду кляч. Обратная дорога показалась им тяжёлой как никогда. Кобылы всё время хотели пить (по-видимому, их долго не поили перед тем, как показать Киоту), а вода на их пути встречалась редко. При этом крупные ватаги конных варваров, мечи которых угрожающе блистали в солнечных лучах, кружили вокруг войска постоянно. Боевое напряжение у черногорцев не спадало круглые сутки. Ночами им к тому же приходилось беречь себя от стрел, периодически летевших к кострам из окружающей лагерь тьмы. Не обошлось без раненых. «Каков же змей! – сердито размышлял Киот, укутываясь в козы шкуры в самой середине войска. – Шли к нему – на нас никто ни разу не напал. Подумать только: он охранял свой караван! Что ему теперь? Стрелы-то летят в нас, видно по всему, драккунские. Теперь ему нет смысла заботиться нас».

Когда же дрема из головы Киота улетучилась, посланец Шахтин Кала задумался в другом ключе: «Ну, неужели он не понимает, что таким отношением к нам не добьётся ничего, кроме ответной неприязни? Второй-то раз мы можем и не прийти к нему. Кому охота торговать себе в убыток? Ему что, золото и драгоценные камни не нужны?».

Но на подходе к столице государства бывших рудокопов Киота осенила неприятная догадка: что, если киммерам в самом деле не нужны ни золото, ни утварь, ни оружие цивилизации? «Нет, конечно же. От подобного добра киммеры не откажутся, – рассудил он, – но и расстраиваться ведь не станут, не получив его от нас вторично. Если так оно и есть, на что нам остаётся рассчитывать?». Эта мысль Киоту не давала покоя до самой встречи с Шахтин Калом.

Рудый хан отчёт Киота выслушал с довольно мрачным выражением лица, при этом губы его беспрестанно кривились. Когда Киот закончил, хан попросил оставить его наедине с самим собой. А через несколько часов снова вызвал Киота, чтобы объявить:

– Вождю киммеров нужны не наши драгоценности, но наши громкие победы. Что же, он о них узнает. На этот раз мы выступим за лошадами, а не за побрякушками для женщин. И не в Цивилизацию пойдём, а в степь. Но покупать у варваров животных, клянусь я громом, мы не будем!

...Шахтин Кал сдержал своё слово...

Часть вторая. Скитания мальчишки

...Не раз и не два Ракиш погружался в этот странный сон-полёт, выводивший его на прямой контакт с душами дальних предков. То, что открывалось в этих снах его внутреннему взору, будило в его душе какое-то удивительное чувство. Описать его словами было невозможно. Оно щемило сердце и манило взгляд одновременно.

Картины древнейшей истории: то монументально застывшие, то проплывавшие спокойно мимо взора, то мелькавшие, словно проносящееся мимо стадо диких быков – всё, что показывали Ракишу удивительные в своей сущности, невероятно добрые и мудрые создания внутри Луны, завораживало своим волшебным обликом. И вызывало из подсознания глубокую и ровную, как чисто отшлифованная стена гробницы, торжественную печаль...

Глава первая. Резня у перевала

...Когда Ракшу стало видно, с кем со страстью и отчаянием сражаются в ущелье золото-волосые всадники, он понял, что опасность скорого вторжения врага номер один усугубляется полной близорукостью сражающихся. Ибо ни окияны, ни их противники, ни кто-либо другой из готовых втянуться в эту бессмысленную бойню об ОБЩЕМ ВРАГЕ, беспощадном в своей неживотной тупости и совершенно чуждом Запределью, не хотели даже подумать.

Что больше всего вызвало в Ракше негодование, поселившиеся четверть века тому назад у Чёрной горы беглецы из Цивилизации, не единожды уже столкнувшись с этим жутким врагом, так и остались верны своим планам мести культурным. С головы до ног покрывшийся морщинами, натурально пожелтевший от наполненного тайной злобой одиночества, их предводитель, даже зная, пусть и плохо, об отсутствии малейшей осторожности у шедших из-за гор на севере чудовищ, продолжал проявлять откровенно тупое упрямство, словно превратившийся в человека мул.

А между тем это было не просто отсутствие осторожности. Шедшие с севера «дублёры» артаков, в отличие от последних, просто в принципе не ведали страха. Их можно было истреблять тучами – ничего хотя бы отдалённо напоминающего беспокойство в этом непреклонном потоке движущихся навстречу противнику существ не проявлялось. Казалось, даже если сам Каледос начнёт их жечь небесным огнём, в их поведении ничего не изменится...

...Рудый хан рвал и метал.

– Олухи, трусы, растяпы! – выкатывая из орбит почерневшие от злобы глаза, эта старая развалина, неизвестно для чего прожившая более полувека, брызгая во все стороны вонючей слюной, надрывно орала на командиров.

Бледные, как сама смерть, командиры падали к его волосатым ногам и не смели поднять на повелителя глаза. Все их усилия пропадали даром: сломить боевой дух синеглазых мускулистых всадников, дерущихся будто в экстазе магического танца, увы, не удавалось.

– Что вы валяетесь в грязи отяжелевшими от бега свиньями! – продолжал изрыгать из себя Шахтин Кал. – Или вы надеетесь, что эти упрямы пожалуют вас?!

Он уже вдоволь намахался кнутом, изодрав в грязно-серую пену волосатые спины своих подчинённых и вывихнув от усердия руку. Дело с мёртвой точки не сдвигалось.

Несколько суток подряд двухсоттысячное войско Шахтин Кала рвалось через горный кряж на Побережье – вырезать под ноль «культурных», уцелевших в борьбе с артаками. Однако орда окиянов в союзе с несколькими тысячами пограничников связала черногорцев и варваров в один огромный узел. Именно вторжение гигантской армии под руководством Рудого пахана, вовлекшего в бесстыдное нашествие десятки тысяч отщепенцев от своих племён, и оторвало златокудрых степняков от битвы под Харидом.

Он просчитался и на этот раз. Точнее, он ничего и не рассчитывал. Зачем, когда по одному лишь мановению его костлявой волосатой руки в бой устремилась столь могучая орава, что выдержать её напор могли бы разве что древнейшие титаны?

Превосходство над противником в числе – уже почти победа. А если к этому добавить кое-что ещё, до нужного момента укрываемое в тайниках?

О том, что Рудый хан случайно отыскал в одной из тайных черногорских пещер, не знал никто, даже ближайшие его советники. Ибо того, кто, вместе с ним спустившись в заветную пещеру, наткнулся на «Великую страсть господнюю», в этой же пещере Шахтин Кал и схоро-

нил. Зарезал его в спину как последний предатель, а выбравшись на свежий воздух, весь бледный, как поганка, тяжело дыша и обливаясь холодным потом, скрипучим полусшёпотом выдавил своим советникам:

– Киот пал жертвой большого червя, затаившегося в сырых теснинах подземелья! Я отбивался мечом, потерял оружие и чудом спасся не помню как! Не ходите туда! Там кошмарные твари подземных глубин!

Замкнув железную дверь, созданную, очевидно, каким-то древним умелым народом, вход в эту страшную пещеру-хранительницу завалили камнями. Рудый хан знал, что делал. Только одному ему остался введом альтернативный ход в подземное хранилище. И только он один увидел, как разрывает всё вокруг себя в клочки «Великая Господня страсть» – творение волшебников глубокой древности, упрятанное ими в катакомбы Чёрной горы, что охраняла лучше самых зорких и умелых стражей.

Когда же пришло время ударить на ненавистную Цивилизацию, Шахтин Кал тайком отобрал из числа новобранцев парней поглупее. Все они заранее приговаривались к смерти. Ибо после того, как, погрузив на арбы тюки из пещеры, парни по приказу Шахтин Кала тайно доставили их на условленное место близ Северного края Побережья, один из тюков вдруг ожил и... полтора десятка сильных парней исчезли, будто их и вовсе не было.

В одиночку, тайно покинув готовящийся к походу лагерь, Рудый хан перегнал запряжённые мулами арбы в другую пещеру, как следует замаскировал вход в неё и оставил «Великую страсть Господнюю» дожидаться нужного часа...

Вскоре сюда подвалила и орда, вернее её крикливый авангард. Первые ватаги разношёрстных всадников состояли в основном из драккунов и джакков, соскучившихся по хорошей гульбе в стане разбитого врага. Весть о падении неприступного Харида уже долетела до них, хотя в тот момент артаки ещё не ворвались в город. Составлявшая авангард шахтинкалова воинства молодёжь наивно полагала, будто в ущелье, соединяющем нейтральные земли с Побережьем, никого нет. Распаляя себя боевыми кличами, на полном ходу юные варвары подлетели к тяжёлой цепи, перетягивавшей вход в ущелье.

При желании эту цепь можно было бы приподнять над головами воинов с помощью пары десятков брёвен. Однако особо ретивые смельчаки попытались на горячих конях перемахнуть её без остановки. Увы, это удалось единицам – остальные покалечили себя и лошадей. Но и счастливицы тут же пали пронзёнными стрелами. Дикая орава словно наткнулась на непреодолимую стену.

Прекратив галдеть, ордынцы какое-то время болтались туда-сюда на не унимающихся после долгой скачки жеребцах. То один, то другой жеребец вдруг поднимался на дыбы и недобольно ржал. Наездники же напряжённо всматривались в верхушки сторожевых башен, что возвышались в глубине ущелья, по ту сторону цепи: не полетят ли новые стрелы?

Потоптавшись у перекрытого входа с четверть часа и не получив за это время ни одной стрелы, варнаки, джакки и драккуны откатились локтей на двести, спешили и, прикрываясь сердцевидными щитами из воловьей кожи, спокойно двинулись на приступ. Стрелы им навстречу полетели лишь когда вторженцы встали во весь рост на территории противника, ползком пробравшись под тяжёлой цепью. Пограничники стреляли метко – не один десяток степняков остался умирать недалеко от цепи до момента, когда другие воины из нападавших стали густо отвечать из луков. Чуть позже к пограничникам на помощь пришли отряды стражников с застав, которые Цивилизация настроила в горах. И битва с каждым часом становилась ожесточеннее...

Попытка джакков с треском провалилась. В созданных природой лабиринтах заблуждался каждый, кто входил туда впервые. Харидяне к тому же понаделали там всяческих ловушек. И те из варваров, кто попытался обнаружить среди скал альтернативный путь на Побережье через горы, погибли почти все. Им оставалось только повторять и повторять настырные атаки в лоб, ползком под цепью, под ливнем стрел, в условиях, когда глаза буквально заливают потом. Лишь к вечеру они сумели захватить ущелье и повалить сторожевые башни.

Защитники сражались до последнего. Но те, кто, уцелев, сумели отойти поглубже в горы, зажгли огонь гражданского призыва в одной из ритуальных чаш, надёжно спрятанных до чрезвычайного момента.

Чаши были вырублены тайно из камня, по секрету древних мудрецов. Пропитанная древним чудо-веществом, такая чаша не только резко оживляла сияние ярчайшего огня, но и начинала громко петь весьма тревожную мелодию, в конце мотива превращавшуюся в громкий стон.

Играющее в чаше пламя заметным становилось даже с моря, стон же даже в бурю достигал ушей харидян.

*Увы – на этот раз сквозь шум сраженья,
что представлял собою какофонию из клацанья мечей и грохота
артакских каменных снарядов на фоне треска от сплошных
пожаров и
кличей бьющихся друг с другом армий,
тревожные сигналы ритуальной чаши
не прорвались. В горячке боя большинство харидян не обратили
и внимания на отблески священного огня гражданского призыва,
что пробивались через мглу, окутавшую город
из-за дыма.
На Побережье песню чаши, зовущую к оружию, расслышали лишь
варвары. Вот почему они, внезапно развернув своих коней
от стен горящего Хариды,
стремительно, как и атаковали,
отошли к горам...*

Не прошло и часа с момента, когда огонь гражданского призыва взлетел над ритуальной чашей, как юные окияны, ворвавшись в то ущелье с юга, стремительно атаковали джакков и драккунов. Их было втрое меньше, чем непрошенных вторженцев, однако те уже устали, к тому же златокудрые красавцы были все, как на подбор, могучими и бились на конях, в то время как бойцы из нападавших спешили.

Запредельным степнякам пришлось опять ползти под цепью – на этот раз назад. В тот момент их можно было избить без счёта, но окияны сдержались, отлично понимая, что лезть под стрелы всё-таки не стоит. По крайней мере, до подхода своих отцов и старших братьев, которые уже, спеша к ущелью, сбивались по пути в объединённую орду.

Вернувшись к лошадям за цепь, молодчики из джакков и драккунов наконец-то испытали настоящую усталость. Им страшно захотелось пить и есть, а руки, ноги, спины – все мышцы молодых бойцов заныли от навалившейся внезапно тяжести. К тому же их нестерпимо мучила досада.

По большому счёту, им было глубоко плевать на Шахтин Кала, как, впрочем, и ему на них, считавшему, что толку от таких вояк обычно никакого. Но стать посмешищем в глазах сородичей! Для юных варваров такое было равносильно позорному изгнанию. Поэтому, напившись вволю кобыльего молока или простой воды из бурдюков, висевших на боках степных лошадок, джакки стали нагло гарцевать перед окиянами. Златокудрые красавцы, как на параде, выстроились по ту сторону цепи, а джакки с ядом в голосе кричали:

– Ну что ж вы! Спрятались за цепью! Выходите в поле, если вы мужчины. Сразимся на просторе, как подобает драться степнякам со степняками!

В глубине души они, конечно же, благодарили бога – за то, что златокудрые «придурки» вызова не принимают. Сражаться им уже больше не хотелось. Окияны же басовито и уничижительно отвечали:

– Вы – предатели человеческого рода! Помогаете морским демонам! Наши братья и отцы отважно с ними бьются под стенами Харида, а вы норовите ударить им в спину! Может, вас заколдовали?!

Начальник авангарда джакков решил, что не ответить на такое обвинение нельзя. Риска получить стрелу, он подскочил почти к цепи и злобно прошипел:

– А вы?! Вы сами не предали свободные народы Запределья, переметнувшись в прислужники к этим чванливым и толстобрюхим горожанам?! Может, это морской бог послал на Побережье своих слуг, чтобы они очистили его от этих... – Степняк брезгливо сморщился. И вдруг заросшее щетиной грубое лицо его заметно исказила гримаса ненависти и презрения:

– Они закрыли нам дорогу к морю, которое боги создали для всех! Так пусть же морские демоны пожрут остатки этих тварей! Вместе с вами! А восставшие народы Запределья всех демонов сметут обратно в море и заберут себе обратно то, что должно принадлежать всем!

Резко развернувшись, джакк стеганул коня кнутом.

Второй атаки ждать пришлось недолго. Как только джакки и драккуны припали к вяленому мясу и сухим лепёшкам, запивая незатейливое кушанье разбавленным водой вином, земля тревожно загудела под множеством копыт. Бесчисленное войско Шахтин Кала как будто вырвалось из-под земли. Пехота к этому моменту ещё не подошла, но и от вида скопища одной лишь конницы любому становилось страшно.

*Никогда ещё степные варвары
не собирались вместе
в столь великой силе.
Здесь были и драккуны
в чёрных длиннополых одеяниях
и сыромятных колпаках, и джакки
в серо-белых безрукавках из овечьих шкур,
и узколищые, почти нагие, абекуты,
что от загара потемнели аж до черноты.
Казавшиеся с виду тонкорукими и
чересчур худыми, абекуты
на самом деле были жилистыми, юркими и гибкими.
И те из степняков, которым выпадало «счастье»
столкнуться с абекутами в бою
и выжить,
до смерти помнили
метательные топоры
на длинных рукоятях.*

*Среди степного воинства брели и
коренастые аяки,
закутанные так в медвежьи шкуры,
что даже глаз не оставалось видно.
Чуть ли не от Самых Северных
(волшебных) гор
приехали они верхом
на странных чудищах,
похожих чем-то на волов с ветвистыми рогами.
Угрюмцы (так в Запределье называли жителей далёких
каменистых,
поросших непролазными чащобами холмов),
и те прислали не большой, но страшный
в столкновении отряд.
И все они сражались пешими, без шлемов.
Их головы чернели от волос – густых и длинных,
издалека казавшихся размазанной по головам смолой.*

*Но шумные и пёстро разодетые варнаки оказались
заметней всех.
И, вырядившись, как обычно,
в разноцветное тряпье,
отнятое когда-то у ограбленных купцов, варнаки
с визгом, поднимая клубы пыли, носились тучами
по полю, громко бряцая оружием.*

*Сам Рудый хан уютно разместился
на высокой, огороженной щитами
повозке в центре черногорской конницы.*

Она выделялась из прочего воинства не только стройными рядами, шедшими без лишней суеты и криков, но и облачением по образцу Цивилизации. Расположившись в центре своего пятидесятитысячного войска, Шахтин Кал считал себя недостижимым ни для какого, даже тайного волшебного оружия, которое могло бы находиться в распоряжении жрецов Цивилизации.

Юные окияны поникли головами, но заставили себя взбодриться, сделав вид, что им не страшно. Это удавалось им не очень хорошо – любой боец постарше заметил бы, что златокудрые красавцы то и дело, в напряжении покусывая губы, оборачиваются, надеясь разглядеть спешащих к ним на помощь отцов и братьев. Но драккуны и джакки, бившиеся с ними до подхода главных сил, испугались, видимо, ещё сильнее. Их ведь снова могли отправить в ближний бой с окиянами, которым ничего не оставалось, как сражаться подобно смертникам. Едва представив, что вскоре придётся, испытать, юные неопытные джакки и драккуны вскочили в седла и в ужасе рассыпались по сторонам, намереваясь раствориться среди своих сородичей. Заметив это, Шахтин Кал лишь криво ухмыльнулся.

Шумные ватаги молодых варнаков, отправленные по его приказу в авангард, ещё не понимая, в сколь опасную игру они ввязались, принялись, резвясь и корча рожи, прямо на скаку стрелять в окиянов. Отобранные Шахтин Калом черногорцы под прикрытием варнаков потащили к скалам, в которые были вмурованы края перекрывавшей вход в ущелье цепи, большие чёрные ларцы. Почувствовав в этих черногорцах главную опасность, защитники ущелья, в отчаянии прикрывая лучников щитами, сосредоточили стрельбу на воинах, тащивших

короба. Когда же с полдесятка шахтинкаловых носильщиков упали, подстреленные в горло или глазную щель забрала, Рудый хан рассвирепел. Туча стрел и град камней накрыли златокудрых всадников, заставив отойти подальше вглубь ущелья. Всего каких-то четверть часа понадобилось черногорцам для установки в нужном месте чёрных сундуков.

– Быстро уходите в степь!

Хриплый голос Шахтин Кал выдал его сильное волнение. Рудый хан боялся, что «Страсть господняя» вдруг подведёт его.

С диким визгом, выпучив глаза от страха, сбивая и топча неповоротливых, орава конных варваров отхлынула от горловины входа в ущелье.

Все боялись джиннов, притаившихся в ларцах, пожалуй, даже больше, чем гнева племенных богов. И когда у горловины входа в ненавистное ущелье образовалась весьма заметная «проплешина», пахан, по-прежнему сидевший в недостижимой для стрел окиянов повозке, прошептал молитву Крону и Каледосу одновременно, вставил, как потом рассказывали, привирая, варвары, «волшебный колышек в отверстие магической шкатулки».

Спустя секунду на глазах у обезумевших ордынцев отёсанные скалы поднялись в воздух и рассыпались в песок. То, полыхнув чудовищными молниями и к небесам взметнувши тучу грунта, вырвались из коробов разгневанные джинны.

В первые мгновенья вопли наблюдавших это чудо варваров как будто утонули в грохоте, сопровождавшем страшный выход джинов из ларцов на волю. Обычный свет померк, а мелкие осколки больно сыпанули по скукожившимся зрителям. И Шахтин Кал вошёл в прострацию...

В таинственной пещере приютившей их Горы он впервые в жизни увидел, как вырываются на волю из этих демонических ларцов разбуженные волшебными действиями джинны и «Страсть Господняя». Однако даже после этого горбун не смел предположить, что вне пещеры, на свежем воздухе, покинув сразу несколько ларцов одновременно, демоны в одно мгновение разрушат эти скалы с таким размахом. Казалось, перепуганные насмерть джиннами, кочевники вот-вот сорвутся с места и в ужасе помчатся прочь от края в степь. Но варвары не побежали.

В первый миг они орали, как блаженные. Затем, оглохши полностью от демонического грохота, оцепенели. И не шевелились, покуда не рассеялась поднятая взрывом пыль. Тяжело дыша, Шахтин Кал поднял глаза. Взамен опорных скал перед ущельем лежали кучи щебня и песка. Другие скалы, казавшиеся в принципе неразрушаемыми, рухнули и превратились в жалкие обломки, валявшиеся на пути в ущелье. Остатки в принципе не разбиваемой ничем цепи, разорванной в клочки, сиротливо торчали из куч раздробленных камней. Парализованные столь невероятным зрелищем, окияны теснились в глубине ущелья и молчали.

– Джинны исчезли! – раздался вдруг чей-то взволнованный голос.

– Смотрите, их нет! И вправду исчезли! – завопили другие.

Шахтин Кал, наконец-то опомнившись, стряхнул с себя налёт оцепенения.

– Чего уставились! Вперёд! На гнусную цивилизацию! Сметём культурных в море вместе с демонами! – что есть мочи изрыгнула его глотка.

– Вперёд, в атаку! Да сопутствуют нам боги! – подхватили командиры.

– В атаку! В атаку! Смерть культурным! Бейте предателей! – повсюду раздавались выкрики озлобленных ордынцев.

Грозно потрясая луками, копьями и мечами, гикая и толкая пятками в бока своих коней, толпы воинов быстрее и быстрее наращивали бег. Всей своей массой орда Шахтин Кала пошла в наступление. И в это же время, как по мановению волшебной палочки, ущелье вдруг заполнилось влетевшими в него со стороны Цивилизации богатырями – на помощь юношам пришли наконец-то старшие окияны.

Остановить потоки войск, прибывших с Шахтин Калом, стало невозможно. Запредельная орда втекла в ущелье, и началась резня...

Глава вторая. Гоблины и дивы

...Кимарану удалось невероятное. Он договорился с гоблинами. Эти огромного роста, сплошь покрытые жуткими колючими волосами, низколобые, со злыми и непропорционально маленькими глазками лесные чудища людей ненавидели так, как было можно ненавидеть только беспощадных, не принимавших никаких условий конкурентов.

Откуда гоблины взялись, никто не ведал. Для человека встреча с ними почти всегда заканчивалась плохо. Сильный воин, безоружный раб, ребёнок или женщина им попадались в лапы – этим тварям было абсолютно всё равно. Убивали они страшно, по-звериному, раскраивая жертве череп примитивным топором из камня и разрывая тело на куски своими не по-человечески могучими лапищами.

Правда, и этого никто из варваров (тем более цивилизованных людей) не ведал тоже: гоблины не отпускали пленников живыми. Поэтому по миру и ходили слухи, будто каждого, кто не относится к их дьявольскому племени, гоблины при встрече «сжирают живьём».

Судя по легендам, больше всех от этих демонов страдали жители Угрюмых холмов и каменистых долин, располагавшихся примерно в неделе пути на юго-запад от Самых северных (волшебных) гор.

В сущности, угрюмым тот народ его соседями был назван неслучайно. На протяжении веков лесные великаны ночами крали у него младенцев. И ожидание такой потери, ставшее, по сути, постоянным, сделало их лица хмурыми, с печатью злобы.

Родившие ребёнка вместо радости испытывали страх, гадая, уцелеет ли младенец. Справляя свадьбу, эти люди никогда не улыбались. Для них веками оставалось неразгаданной загадкой, каким же образом лесные великаны проникали в явно тесные для них жилища. Воины всегда дежурили у люльки до тех пор, пока ребёнок не начинал ходить. Да, с этого момента лесным чудовищам он становился неинтересным...

...Старики угрюмцев говорили, будто раньше лесные великаны были уродливее внешне, крупнее и тупее. Мол, человеческих младенцев они крадут, чтоб вырастить для спариванья со своими. Украденному мальчику, когда он вырастал среди лесных чудовищ, питаясь их звериной пищей, отдавали в жены гоблинку. А если крали девочку, она потом рожала им от гоблина.

– Им это нужно для обновленья застарелой крови, иначе они вымрут, к тому же молодёжь у гоблинов становятся хитрее, изощрённее. Кто знает, может с помощью людского семени у них рождаются и карлики, которые бесшумно и незаметно проникают в столь тесные жилища, – рассказывали старцы с лунными сединами. Но им не верили.

Как и остальные варвары, угрюмцы никогда не сомневались в том, что гоблины едят людей. А сладкое мясо грудных младенцев, якобы, для гоблинов являлось лакомством.

Но правду о рыжеволосых великанах не знал никто. Лишь Ракш её однажды увидел в одном из снов-полётов...

Когда могучая Культура исполинов рухнула, лесные жители вздохнули с облегчением. И каковым же было разочарование, когда спустя тысячелетия лесные великаны снова встретили людей.

Они устраивали на хозяев леса страшные облавы, лишали их детёнышей. А применяя волшебство, доставшееся им в наследство от древнейших великанов, превращали гоблинов в послушных, но жестоких монстров с чешуей на коже. В отличие от их рыжеволосых братьев,

ящероподобные мутанты отличались неукротимым аппетитом хищника, предпочитая мясо гоблина другому мясу. Не брезговали эти монстры и человечинной. И люди их называли троггами.

Колдуны держали троггов на цепи взамен собак. Они науськивали этих великанов на людей и выпускали их на травлю гоблинов. Особенно жестокие волшебники, из человеческого рода (на самом деле это были просто маньяки, каким-то чудом овладевшие секретами древнейшей магии), выращивали похищенных у гоблинов детёнышей в стражников и воинов. И, обучая их искусству боя, облачали в доспехи, чтобы вместе с ними нападать на недругов, в число которых обязательно входили и лесные гоблины. Особенное удовольствие злодеям доставляло сраживать своих бойцов из гоблинов с обученными драться троггами, вооружёнными тяжёлыми дубинами.

Несколько веков подряд свершались издевательства людей над мирными лесными великанами, питавшимися только тем, что им даровала земля. Но справедливость восторжествовала – богиня мира снова наказала злых людей, а колдуны и маги истребили себя сами. Казалось, счастье возвратилось в жизнь хозяев леса. Увы. Прошли века, и люди снова объявились в землях гоблинов. И снова гоблины пугались людей, наблюдая за отрядами охотников из чащи...

...Вожак объединённой стаи гоблинов однажды вышел навстречу людям. Он хотел всего лишь попросить людей не причинять вреда лесным угольям, хотел им показать, что лес уже давно имеет разумных обитателей, которых почитает за хозяев. Долго наблюдая за людьми, лесные великаны научились даже говорить по-человечески. Умея слышать мысли, они со временем постигли и тайну понимания ментальных образов, освоили и звуковую речь, которая для них самих в общении была не обязательной.

С людьми они хотели лишь договориться жить бок о бок, друг другу не мешая. Гоблины считали, что лесных даров достаточно на всех. Однако люди выход гоблина из чащи поняли по-своему. Взметнулись луки, натянулись тетивы, зашелестели стрелы.

Утыканный со всех сторон, вожак лесного племени осел в траву. Возможно, он не умер бы. Если б охотники ушли, оставив раненого гоблина в покое. Но они набросились на «демона» подобно своре одичавших псов. И это оказалось для гоблинов столь неожиданным, что они даже не сумели прийти на помощь к своему собрату. И только когда люди, отрубивши голову у вожака, со злобным смехом подцепили её копьями, лесные жители рассвирепели.

Выскочив из чащи, они голыми руками разорвали в клочья несколько людишек. Остальные улизнули. А через пару дней в леса нагрянули озлобленные толпы этих низкорослых и чрезвычайно щуплых в сравнении с лесными великанами существ, в коварстве и жестокости себе не знавших равных.

Люди жгли деревья, травили великанов тучами собак, метали в них отравленные стрелы, протыкали копьями, рубили топорами. Не привыкшие сражаться, гоблины спасались в самых непролазных и сырых болотных чащах, кишачих змеями и комарами. А люди понесли по свету сказки о коварстве рыжих демонов, прозвав их людоедами, не знающими сытости.

Эпохами копившаяся боль однажды взрвалась неутолимой яростью. Гоблины позволили второму крупному отряду охотников за «лешаками» пожечь свои селения по берегам болотистых озёр. А ночью, неожиданно напав на лагерь опьяневших от успеха воинов, в клочки поразрывали всех, оставив невредимым только одного охотника. Спонтанно избранному человеку показали кратчайший путь к его селению. С ужасом в глазах он описал в деталях, как великаны в ярости развешивают по ветвям деревьев кровавые куски разорванных на части воинов. Большое, воспалённое воображение угрюмцев навело на мысль о том, что гоблины столь страшным образом проявляют мясо. Никто и не подумал о жестокости своих собра-

тьев, проявленной при встрече с рыжими «убийцами». Все говорили лишь о зверствах гоблинов, которые, по разумению врунов, в леса страны угрюмцев пришли недавно. Люди тут же поспешили с наслаждением поспорить о том, откуда гоблины могли явиться. Одни твердили, что из дальних лесов, другие – из страны древнейших великанов.

Мнения сходились лишь в одном: обладающих нечистой силой рыжих людоедов необходимо поскорее истребить, пока они не «извели людей под корень». Началась жестокая и непрерывная война на полное уничтожение хозяев леса. И только Кимарану в юности открылось, что лесные дивы (так называли гоблинов киммеры) вовсе не стремятся разорвать в куски любого встречного, поскольку, обладая от природы тонким, удивительным чутьём, умели сразу же понять, опасен ли забредший в их владения коротышка или безобиден.

Многие, столкнувшись с гоблином в лесу случайно, – нос к носу – умирали от собственного страха – иногда на месте, иногда по возвращении домой. Но, уворованные дивами в отместку за отобранных людьми своих детёнышей и вскормленные гоблинками, приёмьши из человеческого рода росли здоровыми и сильными. Более того, не превращаясь в гоблинов совсем, они имели гораздо более массивный волосяной покров и становились выше, крепче и значительно сильнее своих собратьев, остававшихся с людьми.

*Общение с хозяевами леса
возвращало к действию их третий глаз —
во лбу – телепатическое зренье-слух.
Чувства же приёмьшей заметно обострялись,
а разум становился
иным – интуитивное начало
преобладало в нём над логикой.
Про карликов же люди выдумали. А уносили
младенцев от людей к рыжеволосым великанам
приёмьшами подчинённые лесные рыси – бесшумные, необычайно
хитрые
и быстрые.
При этом сами люди-гоблины вдруг начинали
чувствовать, что могут
усыпить любого человека
одним лишь взглядом.*

Но главное – их память. Воспитанные гоблинами люди напрочь забывали своих родителей и о своём происхождении. Более того, в них просыпалась непомерная жестокость в отношении людей. И даже детища, рождённые от браков гоблинов с людьми, взрослея, не испытывали столь откровенной неприязни к человеку, как её испытывали люди, которых гоблинкам вскормили материнским молоком. К большому огорчению своих кормильцев, пасынки и падчерицы гоблинов так и оставались по-человечески всеядными. Нет, канибалами они не становились. Но мясо коз, коров, других животных вкушали с удовольствием, сырым. Лесные дивы терпеливо им внушали необходимость поумерить аппетиты. Табу не налагалось лишь на скот, принадлежавший людям, поскольку тех животных гоблины считали испорченными. Поэтому, когда воспитанникам гоблинов хотелось мяса, они без колебаний крали коз, овец и даже бйволов, безжалостно при этом убивая пастухов, пытавшихся остановить грабителей. Да, беззащитных стариков, детей и женщин убивали тоже вскормленные гоблинами люди – не полукровки и не сами гоблины.

По-видимому, чисто человеческая интуиция подсказывала им, что если людям, увидевшим случайно лагерь гоблинов, позволить безнаказанно уйти, то завтра к лагерю нагрянут

крупные отряды воинов с мечами и огнём. Однако делать на селения людей набеги, чтобы разорять их, ни гоблины, ни их приёмышы из человеческого рода и ни рождённые от смешанных союзов упрямо не хотели. Агрессия захватчиков всё время оставалась чуждым чувством для хозяев леса. Боевая ярость просыпалась в них лишь тогда, когда, чиня повсюду беспредел, враги вторгались в их владения.

Иногда им приходилось сталкиваться с порченными гоблинами и даже троггами, оставшимися после гибели хозяев-колдунов. Зелёные чешуйчатые монстры бродили по лесам и весям в поисках добычи. Поскольку мясо гоблинов чешуйчатые монстры почитали за деликатес, с ними приходилось драться на смерть. Не уступая гоблинам в обычной силе мышц и ловкости, зелёные создания, как правило, носили на себе каким-то чудом сохранившиеся старые доспехи, когда-то изготовленные специально для зеленокожих умельцами из древних оружейников.

*Кроме этого, при троггах
почти всегда имелось весьма опасное оружие:
необычайно острые и крепкие, огромные мечи,
тяжёлые, со смертоносными шипами, палицы
и даже самострелы, с помощью которых можно было пронзить
насквозь любого гоблина.*

Сильней всего лесные гоблины страдали, когда их порченые братья приходили большой ватагой. Лесные от природы не умели моментально вызывать в себе свирепость, а овладеть оружием упорно не желали. Что можно было противопоставить древнему мечу, клинок которого легко перерубал не очень толстую дубину? Откованные непосредственно для гоблинов, волшебной прочности мечи для человека, даже для могучего богатыря, оказывались неподъёмными.

Случалось, порченые набредали на селения людей. И слухи о внезапно приходивших великанах из-за Самых северных (волшебных) гор, по Запределью после этого гуляли долго.

Один закованный в доспехи гoblin успешно бился с целой командой крепких и выносливых мужчин. Ему обычно удавалось навалить на поле с десятков, иногда больше трупов, причём двоих как минимум он уносил с собой на ужин.

Вахлаки, или злые дивы – так прозвали люди порченных собратьев гоблинов. Запредельным варварам их сила казалась истинно волшебной. И племена, считавшиеся в Запределье слабыми, в невероятном страхе перед ними придумали заранее готовить для них живую жертву, хотя вахлаки с тем же аппетитом набрасывались и на солонину, копчения, жареное мясо коров и коз. И все без исключения вахлаки подчистую пожирали и то, что находили в погребках людей: сыр, молоко, хлеб, овощи, орехи, мёд.

Впрочем, люди не удивлялись всеядности вахлаки, считая их произошедшими от диких вепрей. В жертву дивам обычно приносили пленников, захваченных нередко на большой дороге. Этим отличилось в своё время племя стаблинов, трусливых толстобрюхих пастухов гусей-гигантов, которых, как ходили по просторам Запределья слухи, в глубокой древности искусно запрягали в специальные сверхлёгкие повозки.

Будучи трусливыми донельзя, сами стаблины, конечно, не летали. Но о заслугах предков при случае всегда напоминали с нескрываемым бахвальством. Они панически боялись и воевать с кем бы то ни было. Другие варвары старались их не трогать, поскольку им хватало полновесной дани стаблинов в виде гусей. Жареными эти птицы считались необыкновенно вкусными.

Схватить кого-нибудь, чтобы откупиться от нагрянувшего вдруг вахлаки, стаблины могли, конечно, только не в бою. Волей-неволей им пришлось осваивать разбойничье искус-

ство, подкарауливая на дорогах одиноких путников и группы пилигримов, состоящие из женщин и подростков.

К идее нападать на безоружных стаблины пришли не сразу. Поначалу пастухи пытались покупать иноплеменников у варваров, которые обычно предлагали чужаков, пленённых в битве. Но молва о том, куда на самом деле этих выкупленных пленников девают стаблины, довольно быстро разлетелась по просторам Запределья. Словно сговорившись, варвары иных племён, конечно, тут же прекратили продавать рабов «презренным гусоводам».

Погонщики гусей, однако, попытались пойти другим путём – устраивали близ дорог приюты, в которых, принимая путников, подмешивали им в еду или вино парализующий состав. Но слухи о коварстве птичьих пастухов опять быстрее ветра разлетелись по всем без исключения народам Запределья. Стаблинам осталось лишь открыто нападать на безоружных путников. И, как случается нередко в разных странах, дурному примеру последовали и другие слабые народы из тех, которым порченые гоблины и трогги досаждали больше всего. Кончилось всё это тем, что наиболее горячие борцы за справедливость, из сильных духом варваров, решили совместно проучить «брюхатых птичников».

Сначала стаблинов предупредили. А потом, когда они опять напали на группу беззащитных пилигримов, отряд бойцов, принадлежавших разным племенам, как ураган, прошёл по селениям и стаблинов, и всех других посмевших нарушить не писанный, но свято чтимый в землях Запределья закон. И это оказалось во сто крат страшнее нападения даже большой ватаги троггов. Стаблинов в ту пору проучили так, что ожидать вахлаки в гости им стало безопасней, чем прислушиваться в страхе к топоту стучащих вдалеке копыт. А проучившая их группа молодцов всерьёз взялась и за вахлаки.

Воины без устали скакали по равнинам и холмам, высматривая ищущих поживы гоблинов. Завидев облачённого в доспехи злого дива, бредущего к селению людей, лихие всадники неустрашимо его преследовали. И, окружив махавшего оружием вахлаки, набрасывались на него с неуголимой яростью. Они прекрасно понимали: ближний бой с таким врагом для человека равнозначен самоубийству, даже если напасть на порченого гоблина со всех сторон одновременно. Поэтому успешно применяли тактику кочевников – кружась на лошадях вокруг вахлаки, неустанно «поливали» великана отравленными стрелами.

Старые доспехи дива, несмотря на принадлежность к арсеналу древних колдунов, со временем изнашиваясь, обычно порывались в нескольких местах. Вахлаки бешено вращал вокруг себя мечом или дубиной (топором), однако рано или поздно человеческие стрелы протыкали шерстяной покров и кожу гоблина. Для великана человеческие стрелы были всё равно что просто крупные и толстые занозы. Не реагируя на их уколы, разбойник продолжал размахивать оружием, тем самым загоняя стрелы глубже в тело. Чуть позже стрелы доставали и глаза чудовища – вахлаки превращался в настоящее живое веретено.

И точно выпущенный из бутылки джинн, ослепший монстр, отчаянно и страшно воя от нестерпимой боли, рушил всё попавшееся на его пути. Удалцы же моментально рассыпались кто куда, а силы дива быстро иссякали. Обычно гоблин падал от разрыва своих сердец (у рыжих великанов их было по два). Когда же воины с опаской подходили к распростёршемуся на земле вахлаки, тот уже был мёртв.

Намного тяжелее было охотникам за дивами сражаться с ватагой гоблинов. Если на каждого вахлаки не приходилось двадцать – тридцать воинов, парни не вступали в бой. И всё равно в подобных схватках погибало обычно не меньше десятка юношей.

Страшнее всех считались дивы с самострелами. Ведь даже если против молодцов стоял всего один не очень крупный гоблин с самострелом при заполненном колчане, петь отходную приходилось не одному бойцу из их ватаги. Прямой удар стрелы вахлаки выдерживали лишь литые медные щиты, таскать которые с собой по землям Запределья было тяжело. Поэтому ребятам приходилось активно уворачиваться от беспощадных стрел вахлаки и действовать ему

на нервы до тех пор, пока не отличавшийся умом противник не выпускал по человечешкам последнюю стрелу. После этого охотники атаковали.

Иногда великана брали в кольцо и, ошестинившись длинными копьями, на полном скаку врезались в него, норовя пронзить со всех сторон одновременно. Нередко людям это удавалось. Но случалось, что вахлаки уворачивался от тяжёлых копий, и всадники с разлёту поражали друг друга, либо, вращая огромным дьявольским мечом, вахлаки размлачивал не только копыя, но и всадников вместе с конями.

Каледос милостив. Та непрерывная охота на вахлаки привела к успеху. Рассказывали, будто, уничтожив больше сотни дивов и похоронив при этом около двухсот своих, охотники добились долгого затишья со стороны вахлаки. Лет десять порченые гоблины не появлялись в окрестностях людских селений.

Угрюмцам от победы над вахлаки было ни горячо, ни холодно. Основной урон они по-прежнему несли от безоружных, но не менее от этого опасных лесных собратьев порченных, не нападавших на селения открыто, но кравших по ночам детей.

И вот настало время, когда пахан киммеров Кимаран сумел договориться с гоблинами. Угрюмцам было непонятно, зачем великий вождь киммеров вышел на контакт с лесными чудищами. Ведь земли грозных всадников на многие десятки конных переходов простирались к югу от Угрюмых холмов. Все знали, что лесные великаны не имели надобности покидать свои чащобы, а если по ночам и выходили из них, то посещали лишь владения угрюмцев. Какое же киммерам было дело до чужих проблем?

Старики угрюмцев и на этот вопрос нашли ответ:

– Недавно небольшой отряд киммеров вновь ходил к Самым северным горам. Вернулись они далеко не все, несясь при этом на испуганных конях во весь опор. А теперь сюда явился сам Кимаран с большой ордой. Но ведь пришли отважные киммеры не с нами воевать – то всем известно. Раз Кимаран пошёл к лесным чудовищам, это значит, что у волшебных гор откуда-то возникли неведомые силы, опасные и для людоедов тоже. Кто знает, может, хан киммеров предложил им заключить союз против единого для всех врага? А может и выпрашивал о нём у гоблинов. Ведь лешие – народ древнейший и загадочный. Наверняка, рыжеволосым дивам что-нибудь известно про других чудовищ.

Старикам угрюмцы, как всегда, поверили наполовину. Так, видимо, среди этого народа было заведено. Скорей всего, решило большинство угрюмцев, на отряд киммеров, ходивший к Самым северным горам, напали хорошо вооружённые вахлаки. Они ведь происходят от гоблинов. Не удивительно, что Кимаран решил у них узнать побольше о вахлаки.

Никто не захотел поинтересоваться у самих киммеров, почему же всё-таки они зашли так далеко от дома с большими силами. В отличие от многих, киммеры не стремились вторгнуться на земли земледельцев и лесных охотников в надежде на поживу...

Глава третья. Сытая долина

Сопровождать себя он однозначно запретил. Бойцы с ним долго препирались, но он остался непреклонен:

– Я делаю, что должен.

Воины остались ожидать вождя у леса, а он отправился пешком. И, продираясь через бурелом, сосредоточенно шептал: «Где вы, добрые хозяева лесов? Я вас ищу. Вы и не представляете, насколько я нуждаюсь в вашем обществе».

Но скоро Кимаран почувствовал, что кто-то смотрит на него из-за деревьев. И, приглядевшись впереди себя, вдруг заметил настороженные красноватые глаза. «А ведь когда-то я здесь был, – подумал он. – Или мне кажется, что это и есть та самая поляна?».

*Всю жизнь пахан киммеров Кимаран
хранил в себе святую тайну.
Никто из племени
не ведал, что их великий мудрый,
боготворимый племенем Главарь
когда-то, будучи ещё ребёнком,
попал к рыжеволосым великанам... на воспитание...*

...Его отец, пахан Великой Орды Киммерской Кимвал, однажды во главе трех тысяч лучших воинов отправился в разведку за таинственные северные горы, в страну древнейших великанов, на поиски оставшихся от них сокровищ. Спокойно миновав чужие земли, отряд Кимвала без особого труда перевалил через волшебный кряж и... пропал на целых десять лет.

Но, уходя, Кимвал строжайше запретил киммерам посылать на их поиски второй отряд. Мол, даже если много лет подряд от нас не будет никаких вестей, ни в коем случае вы не должны бежать на выручку.

– Кто знает, может, за волшебными горами время

течёт иначе. Или люди там становятся безумными. А может, просто забывают, откуда и когда пришли. Мы не боимся потягаться в битве с духами, а уж тем более с потомками древнейших великанов, в существование которых мне не верится. Но против чар древнейшей магии никто не может устоять. И, если не вернёмся, вы о нас забудьте. И никогда, ни под каким предлогом не ходите к Самым северным горам. Вам и в Запределье хватит славных дел: оно большое. Так что живите в радости, в достатке, а о нас не думайте. Угодно будет Крону, он поможет нам вернуться. А не поможет – что ж, на то его, знать, воля, – сказал Кимвал, прощаясь со своими сыновьями Арлаком, Акинаком, Миграном и Вторым паханом, своим другом Кариманом.

Так и произошло. Молодые и горячие киммеры рвались на поиски пропавшего отряда, но племя их не поддержало: завет Великого пахана для киммеров был священным.

Отряд же объявился через десять лет. К несчастью, многие из этого отряда не вернулись из-за гор: погибли в битвах с монстрами, поумирали от болезней, а часть их оказались похороненными заживо – обвалом, случившимся в горах во время возвращения. Но те, кто выжил (то есть, примерно половина от ушедших в тот поход), везли с собой на родину не только самоцветы и золото. Почти все воины Кимвала, в том числе и сам пахан, нашли себе в стране древнейших великанов красивых, молодых и верных жён. И, как об этом предостерегал Кимвал ещё в начале славного похода, в чужой стране они забыли обо всём на свете.

Вот там-то и родился, как и другие дети от любви киммеров с чужеземками, Великий будущий Главарь киммеров Кимаран. Однажды его отец, то есть Кимвал, случайно вспомнил

о родном кочевье. Ему помог семейный камень-талисман, который, находясь под головою спящего Кимвала, вызвал у него сон про Запределье и оставленную там жену. Отчего сердце мудрого вождя заныло.

– Киммеры, на коней! Вернёмся в наши степи! Нас там ждут! – призвал он воинов.

Не все захотели вернуться. Ибо поселились они в прекрасной долине необычайно чистой и красивой реки. Каждую весну на берегах её цвели богатые на урожай сады, и летом ветви долго ломились от спелых фруктов. Там было так спокойно и хорошо, что многие из воинов на самом деле потеряли память. Зачем куда-то уходить из края сытного и пьяного, где винной ягоды родится столько, что чудесного напитка можно заготовить за раз вперёд на годы и пить его при этом ежедневно?

Все знали: возвращаться через горы будет чрезвычайно трудно. Обвалы и землетрясения, чудовища и злые жилистые карлики, всегда являвшиеся перед спящими бойцами как из-под земли. Вновь кто-то сложит голову в тяжёлых яростных боях или на трудных перевалах.

Воины начали спорить. Между ними едва не вспыхнула ссора. Но, слава Крону, женщины вдруг принялись просить мужей готовиться к походу.

– Надвигается беда! – вскидывали взволнованные женщины руки, указывая на какую-то вершину одной из гор, что окаймляли Сытую долину с северо-запада. – Нам всем необходимо побыстрее уйти за южный перевал, а ещё лучше – на вашу родину. В степях мы будем в безопасности, а здесь – погибнем все до одного!

– Но что грозит нам? Можете вы внятно объяснить, чего нам следует остерегаться? – выпрашивали недовольные мужчины.

Это было интересно всем – и жаждавшим вернуться в Запределье, и пожелавшим навсегда остаться в приютившей их долине. И даже сам Кимвал задал этот вопрос взволнованным подругам его бойцов, хотя и чувствовал в душе какую-то тревогу – странную и постепенно нараставшую день ото дня, но совершенно непонятную.

Женщины им так и не сумели толком объяснить. Они лишь утверждали, будто это страшное всегда приходит в пору, когда рыба в реке становится необычайно крупной, и что их племя много лет назад погибло почти полностью вот здесь, в земле обетованной, в Сытой долине.

– Мы не знаем, что ЭТО, – в отчаянии вскрикивали женщины на последнем слове, – но оно спустилось оттуда. – И снова они все как одна указали на спрятавшиеся за облака таинственные вершины северо-западных гор. – Оно приходит внезапно, ночью, когда сон самый сладкий. И убивает как туман, только более плотный и зеленоватый. ЭТО осталось от древних злых волшебников, и время от времени Оно приходит за жертвами.

– Но как? Как ЭТО убивает? Может, от него есть защита? – допытывались ни перед чем не ведавшие страха воины.

Но жены только ещё больше волновались и начинали плакать, умоляя пожалеть хотя бы малышей с подростками – вывезти хотя бы их из этих мест. И лишь одна из них, по имени Ульрика, жена простого воина по имени Одар, сумела описать, как умерщвляет живых существ неведомая сила, подобная туману. Она сказала:

– Оно окутывает плотно всё ходящее живое, в себя вбирает даже рыбу из реки, и всё как будто растворяется в тумане, отчего туман становится плотнее. Ничего живого вне его не остаётся – лишь одни деревья, травы и кусты.

– Как же тогда вы остались живы? – недоверчиво спросил Ульрику муж.

Ей было очень трудно вспоминать о той кошмарной ночи, но она всё-таки сумела переписать ужасы воспоминаний о тех событиях.

...Мы были совсем маленькими. У нас почему-то маленькие дети, девочки, спали отдельно от всех остальных. Ночи были тёплыми, и все взрослые и дети постарше, с мальчиками, спали под открытым небом до самой осени. И вот в ту ночь к нам в шатёр вошёл незнакомый старик. Он разбудил нас и повёл куда-то за собой. Я не знаю, почему мы пошли за ним, ведь это был чужак. Но мы шли, как во сне. Я не могу вспомнить, куда мы шли, но помню, что тропинка была узкая и каменистая, и шли мы в гору, уцепившись друг за друга.

А потом была огромная птица, сияла разными цветами. И открыла клюв. И мы, вы не поверите, вошли в ту птицу через этот клюв. Да, прямо в чрево. Но с нами рядом находился тот старик – в его присутствии мы почему-то не боялись ничего. «Сейчас большая птица полетит. И унесёт нас с вами очень далеко отсюда. Но позже мы вернёмся, и вы снова начнёте спать в своём шатре», – сказал он нам. И птица полетела – мы слышали, как ветер яростно свистит снаружи, под нами же качалось.

Летали мы так долго, что неоднократно засыпали, просыпались, и старик давал нам кушать – что-то похожее на молочко, необычайно сладкое и сытное. Нам даже захотелось поиграть внутри той птицы, которая, как объяснил старик, катала нас по небу. Но вдруг она открыла клюв, и нам навстречу брызнул яркий свет от солнца. Старик велел нам выходить. Мы снова вышли через клюв. И оказались в другой стране, на отмели у моря, где было много-много горячего и белого песка.

Мы тогда не знали, что такое море. И потому сначала напугались. Но старик нас успокоил. Он сказал, что здешняя бескрайняя вода довольно ласковая, в ней живут большие рыбы, очень добрые.

«Мы будем жить вон в том дворце. И там у вас появятся сестрёнки. Вас будут хорошо кормить и одевать. Когда же вы немного подрастёте, за вами снова прилетит большая птица и – домой».

И, снова ухватившись друг за дружку, мы пошли на гору и поселились в большом красивом доме. Вокруг него раскинулся огромный сад, намного более цветущий, чем тот, к которому привыкли мы в родной долине. И с нами здесь играли большие и лохматые животные, похожие во многом на собак, но не умеющие лаять. Других людей не встретили ни разу. Из взрослых с нами жил лишь тот старик. А ласковые местные животные нам приносили удивительные фрукты, орехи и какие-то напитки.

Когда одежды наши изодрались, гигантские собаки принесли нам новые. Целыми днями мы резвились: то у моря, то на горе в саду. Когда мы забредали в воду, к нам приплывали добрые большие рыбы. Они катали нас по волнам на своих широких спинах. Однажды мы заметили, что среди нас находятся другие девочки, на нас похожие. Да, каждая из них была лицом похожа на кого-то из наших девочек, однако ростом была поменьше. «Они – ваши сестрёнки», – объяснил старик. И мы играли с ними.

Сестрёнки вырастали на глазах, их становилось больше. Мы словно позабыли про своих родителей и старших братьев с сёстрами. Нам нравилось резвиться среди буйной зелени с цветами, нравилось купаться в тёплом море и кататься на шершавых спинах добрых рыб. Мы не заметили, как выросли. И вот однажды старец нам сказал: «Смотрите-ка на берег! Большая птица уже ждёт вас!».

Едва увидели мы эту птицу, сердце каждой из сестрёнок защемило. С огромной радостью мы побежали к птице. Она по-прежнему сияла перламутром. И мы вошли в неё через гигантский клюв, и там... нам стало очень тесно.

«Летите, – успокоил нас старик, – большая птица донесёт вас куда надо. Потом она вернётся за оставшимися сёстрами. Но вы, когда вернётесь в Сытую долину, не горюйте, а спокойно ждите нас с сестрёнками». Но мы тогда не знали, почему должны в родной долине горевать, и ждали с нетерпением конца полета. Летели так же долго, но не устали, как это было в первый раз, ведь мы заметно подросли к тому полёту.

Но скоро птица опустилась в горы. Сердца наши заколотились в нетерпении. Приятный воздух родины наполнил наши лёгкие. Он был совсем другой – не тот, которым мы дышали в чужой, хотя и ласковой, стране. Мы несказанно радовались возвращению, мечтали поскорее спуститься с гор в долину, чтобы обнять своих родных и близких. И вдруг сестрёнки стали говорить, что им тревожно, им кажется, что там, в долине, пусто. И всем вдруг стало так казаться. И, спотыкаясь от волнения, мы все спустились вниз и сколько ни искали, ни кричали – никто на зов не отозвался.

Мы много суток напролёт проплакали, пока не появились наши новые сестрёнки и старик. Ох, как мы радовались их прибытию! И вот тогда старик принёс откуда-то волшебный сундучок. «Смотрите, девочки, сейчас ларец покажет, что случилось с вашими родными в ночь, когда я вас увёз отсюда». И неожиданно какой-то странный, сказочный пузырь возник вокруг того ларца. В нём отразилась Сытая долина. Она была не та, в которой мы в то время находились, а прошлая, ночная, когда мы маленькими сладко спали в своём шатре.

Да, мы увидели себя в тот вечер, спящих, увидели, как старец будит нас, потом ведёт по склону вверх, к волшебной птице. А потом пузырь нам показал, как с высоты крутой, искрящейся застывшею на холоде водой вершины одной из страшных гор, закрывших выход из долины на севере и западе одновременно, вниз покатился странный, мерцающий зелёным светом туман, – на этом месте Ульрика вдруг не выдержала и разрыдалась.

Зарыдали и другие женщины, заплакали пришедшие с прогулки дети. И Кимаран, родившийся в долине от Кимвала и... Ульрики. Да-да, пахан киммеров тайно согрешил. Он не хотел идти домой с ребёнком, родившимся вне брака, освящённого обрядом родного племени. Законным браком у киммеров считался только брак, который заключался первый раз и обязательно в родном кочевье. И это правило никто не смел нарушить – даже сам Верховный хан. Но как тогда Великим Главарём стал Кимаран? Киммеры избирали головным паханом только родовитых. Пахан киммеров должен был являться законным сыном Главного пахана. И лишь по воле Главного пахана старший сын его мог и не стать Великим Главарём. На сына же простого воина не распространялась даже воля Главного Пахана. Но об этом позже.

Итак, придя в себя и успокоившись, Ульрика, мама Кимарана, продолжила рассказ:

– Туман как будто был живой. Он тихо подобрался к спящим людям и накрыл их. Пузырь нам показал, как от несчастных родственников наших осталась лишь одна одежда. Они истаяли на глазах, как будто сами превращались в тот туман. Когда в тумане растворились все, нам показалось, будто он захохотал, так сильно, что обрушились лавины с гор. Потом туман, который стал уже намного гуще, чем был вначале, окутал реку, и рыбы и лягушки против воли вылетали из воды и растворялись в злом тумане.

Когда туман пожрал в реке всю живность, он медленно проплыл по всей долине. Он поднимался выше и «заглядывал» в пещеры, просачиваясь через узенькие щели. Нам показалось, он пытается достать и самых мелких насекомых. Потом он вдруг собрался в одно невероятно плотное большое облако и улетел назад, на белую вершину одной из страшных гор. Пузырь на этом месте лопнул, и Старик унёс куда-то тот волшебный сундучок. Когда же он вернулся, то сказал:

«Вот знаете вы всё теперь. Утраченного не вернёшь. Но надо жить. Я мог бы вас оставить там, куда увёз в ту злую ночь. Но не имею права: Учителя потребовали, чтобы я вернул вас в Сытую долину».

Они сказали ему, якобы, что мы должны жить здесь, в долине Сытой. Но не до старости, а только до тех пор, пока убийца вновь не вырвется из недр горы и не придёт за нами.

Мы испугались, стали умолять его нас увезти отсюда, пусть не туда, где выросли мы в радости, но лишь бы не остаться здесь.

«Не бойтесь, – успокоил нас тогда он, – туман зелёный долго не вернётся. Сейчас я улечу, а вы останетесь здесь жить – в достатке, в безопасности. Долина охраняется её богами – к вам

не придут ни злые люди, ни чудовища. К тому же скоро здесь вас станет много больше, чем сейчас. И вам не будет скучно. Потому что у вас родятся девочки».

Мы удивились:

«Как они родятся, без мальчиков?».

Мы думали, что наших младших и похожих на нас во многом девочек старик привёз откуда-то на птице, так же как и нас. Но сестры наши уверяли, что проснулись в том самом доме на горе, где жили мы, но только в других комнатах. «Ты наколдуешь нам ещё сестёр?» – спросили мы. Однако он сказал, что никакого колдовства как не было, так и не будет.

«Вы их родите так же, как и вас родили ваши матери», – и после этих слов старик поднялся в горы, где отдыхала Птица. Мы видели, как птица полетала. Нам ничего не оставалось, как жить здесь. Солнце было ласковым, и на деревьях в саду висели спелые плоды. Беды нам ничего не предвещало, и постепенно мы привыкли быть одни.

Но скоро появились добрые животные. Откуда-то пришли коровы, которые, мыча, к нам подходили сами. Из молока потом мы научились делать творог и масло. Когда же наступила осень, фруктов оставалось ещё много. Осень и зима прошли легко и быстро. Вернулось лето, зацвели деревья, травы. Так мы прожили долго, лет пять, а может больше. Однажды из-за северо-восточных гор в долину прилетело около десятка птиц. Все они чем-то походили на ту, которая катала нас по небу, но были меньше и не переливались радугой, зато светились чистым серебром.

Те птицы опустились на противоположной стороне реки, на тот зелёный луг. Оттуда вышли юноши, прекрасные, как боги, и без одежды. Увидев нас, красавцы помахали нам ладонями и, переплывши реку, оказались рядом с нами. Мы так обрадовались, словно это были наши братья. Они раскрыли нам свои объятия, и мы кидались в них, мы вешались парням на шеи – настолько они были привлекательны. Счастливые, мы жили с ними, не считая дней. Увы, они любили нас недолго. Все мы скоро забеременели. Парни же нам вдруг сказали, что им пора покинуть Сытую долину. Ох, как рыдали мы и умоляли их остаться, но они ласково нас успокаивали.

«Не бойтесь, мы вернёмся, когда вы будете готовы к родам, – сказали юноши. – Сейчас же Учителя нас требуют к себе: нас ждут серьёзные и важные дела».

«Возьмите нас с собой: не можем жить без вас!» – кричали мы им вслед. «Нельзя: Учителя не позволяют», – ответили любимые. За время жизни с нами они не рассказали о своей стране ни разу и так и не назвали своих имён. Мы только догадались, что их прислал старик, который спас нас от зелёного тумана.

Юноши не обманули. Когда потребовалась помощь перед родами, серебряные птицы снова вынырнули из-за облаков. От радости мы были вне себя! И парни жили с нами долго, пока рождённые от них малышки не подросли, а мы не забеременели снова. И вновь любимые нас покидали, на птицах улетая невесть куда и возвращаясь перед тем, как мы должны были рожать. Рождались почему-то только девочки, хотя нам очень мальчиков хотелось.

Однажды юноши исчезли навсегда. Напрасно мы и наши дочки вечерами вглядывались в облака на северо-востоке. Нам иногда казалось: вот они, серебряные птицы, возвращаются. Но то были живые птицы.

За год до появления могучих всадников, пришедших с юга из-за гор, в долине появился другой старик, в свободном длиннополом чёрном плаще со звёздами. И он сказал, что первый старец – друг его. И он просил нас передать, чтобы боялись крупной рыбы. «Как только рыба в речке станет столь тяжёлой, что в одиночку поднять её никто из вас не сможет, бегите из долины поскорее, желательно на юг, за горы», – предупредил нас этот человек.

И ещё с он сказал, что скоро в долину явятся мужчины на конях. Они и станут нашими мужьями навсегда, и мы от них – все женщины в долине – начнём рожать мальчишек. Поведав нам об этом, он исчез, как будто и не приходил совсем. И мы его слова уже совсем было

забыли, как появились вы, могучие, лихие всадники. И вы на нас женились. Потому что рождённые от прилетавших на серебристых птицах обнажённых юношей к приходу вашему успели подрасти, – закончила Ульрика свой рассказ...

Глава четвёртая. В когтях Орла

Кимарану тогда было три года – он всё запомнил.

Великий Главарь отважных киммеров Кимвал не привык уходить от опасности. В то же время он тосковал по родине, его мучила совесть и чувство вины перед оставленной дома женой Ольгой, которую он сам так назвал в честь пришедшегося ему по душе города Цивилизации Ольгонии. Дома остались его престарелые родители, братья, дети от Ольги, друзья и... неповторимый запах степного разнотравья. Он сосредоточенно думал, как увести людей, не ущемив достоинства воинов.

– Но почему вы решили, что час беды уже близок? – спросил вдруг женщин один из мужей.

– Маранна утром осматривала поставленные с вечера сети в реке, и попавшая в них рыба оказалась неподъёмной! – загалдели сестры Сытой долины.

– Но может, там всего лишь одна рыба такая крупная, а ваш старик имел в виду, когда вся рыба станет неподъёмной, – засомневались воины.

Мужья и жёны принялись с жаром спорить, а Кимаран тем временем, пользуясь занятостью взрослых, решил залезть на скалу, где какая-то красивая птица свила гнездо. Скала находилась шагах в трёхстах от края долины на уступе Южного взгорья. Ходить туда особенно не запрещалось, но и не поощрялось. Если бы кто-нибудь из взрослых заметил, что Кимаран взбирается по склону, обходя скалу сбоку, то непременно бы предупредил родителей, и с мальчиком, возможно, ничего бы не случилось. Но, к удовольствию трёхлетнего мальчишки, давно положившего глаз на это гнездовье (уж очень хотелось ему подержать в руках птенчиков, время от времени пищавших оттуда), никто его самовольной отлучки не обнаружил. А когда он обошёл скалу сзади, увидеть его и вовсе стало невозможно. Пока взрослые горячо обсуждали свою проблему, Кимаран, цепляясь за корни мощных растений, торчавшие из скалы, словно ловкая мартышка, взобрался на вершину и наконец-то достиг своей цели.

Птенцы отчаянно пищали, махали крылышками и пытались клевать незнакомца, но он всё-таки взял их в ладони – сначала одного, потом другого, третьего. Он ласково разговаривал с ними, передразнивал их писк, поглаживал пальцем их спины и головки, отчего птенцы в страхе замирали, ожидая неминуемой смерти.

Кимаран подносил их к глазам, пытаясь рассмотреть мельчайшие детали рисунков на их пёрышках. Он так увлёкся, что проглядел опасность – парящего над ним огромного орла, из тех, которых на земле живёт, по-видимому, очень мало. Полагая, что это просто облако закрыло солнце, мальчишка слишком поздно взглянул над собой. От неожиданности он выпустил птенцов из рук и тем самым спас их от когтей хищника. Но, увы, попал в эти когти сам.

Могучая птица исторгла из себя клёкот, выразивший бурную радость: вместо каких-то жалких пучков перьев попался увесистый кусок мяса! Но эта победная песня охотника заставила людей устремить свои взгляды в сторону, откуда донёсся клёкот. А Кимаран не успел даже испугаться. Так же как не успел и сообразить, что ему необходимо посильнее дёргаться и что есть мочи кричать. Он просто висел в когтях хищника, точно был копной соломы, и молчал.

Поражённые столь удивительным зрелищем, люди остоленели. Лишь когда орёл, величественно ровно махая крыльями, описал два круга над чужим гнездом и лёг на четко выраженный курс на юг, заголосили все: и женщины, и воины, и сам главарь. Ульрика же и вовсе чуть не потеряла сознание.

Вскрикнув «Это ведь мой Кимараша, мой мальчик!», она зашаталась под грузом накатившегося ужаса.

Кимвал в молчании метнулся в шатёр за луком. В душе проклиная себя за то, что все они давно отвыкли при себе держать оружие: враги в долину даже не заглядывали. Воины при-

нялись ловить рассёдланных коней, но было уже поздно: натянув тетиву, Кимвал обнаружил, что стрелять не в кого – птица уже превратилась в чёрное пятно на фоне поросших чистой зеленью гор и голубого неба.

Несколько суток пахан и его самые выносливые воины рыскали по южным горам, пытаясь разыскать гнездовище подлой птицы. «Не найдём живого ребёнка, так хотя бы врага изрубим на кусочки, чтоб душу отвести!» – твердил сквозь зубы Кимвал. Увы, каких-либо следов его похищенного сына и проклятой птицы обнаружить им не удалось. Стало очевидным, что за добычей прилетал орёл издалека.

– На все воля Крона, – рассудил пахан-отец, – а нам надо думать о женщинах и детях, а то, чего доброго, их тоже потеряем.

– Ты и вправду считаешь, что зелёный туман – это не вымысел? – удивились отважные воины.

Хан было рассердился: что ж, мол, по-вашему, Ульрика и все остальные женщины бредят? Но вдали от дома ссору с лучшими воинами решил не затевать.

– Искать орла, не зная точно, куда он полетел, в каком даже направлении – глупая затея отца, потерявшего с горя рассудок. Я ещё и пахан, а не только отец. К тому же вы обещали мне молчать про тайну моего греха с Ульрикой. Она – жена Одара, и об этом должны знать все, кто не узнал о том, что было между мной и ней. По крайней мере, до момента, пока я сам не посчитаю нужным эту тайну раскрыть перед моими соплеменниками. Но Кимарана не найти при всём желании. Наверное, то был не просто большой орёл. Скорее, то явился к нам посланец Крона, ибо птицы таких размеров – чрезвычайная редкость. Никому ещё из нашего рода, а я думаю, и вообще из рода человеческого, не удавалось поймать или хотя бы ранить подобную птицу. И раз мы, потратив столько сил и времени, не наткнулись даже на её помёт и остатки съеденной пищи, стало быть такова воля Всевышнего. Может, орёл вовсе не съел мальчика, а понёс его в чертоги великого из великих, бога Крона, сотворившего мир. Так что не будем уподобляться упрямым ослам, а вернёмся назад и помолимся, совершив всеожжение Крону, как и положено в таких случаях.

– Что же касается моего решения вернуться в наши далёкие кочевья, то здесь я вот что скажу, – Кимвал на миг остановился и оглядел всех окруживших его воинов соколиным взглядом. – В Сытой долине мы разжирели и скоро превратимся в глупых индюков, годных разве что на жаркое. Если мы останемся здесь ещё хотя бы на неделю, то вообще разучимся владеть оружием. Вам хочется этого? Нет. Тогда пошли в долину и, не мешкая, вместе со своими семьями выступаем. У нас ещё есть время добраться до своих кочевий до холодов.

Только такие слова и могли убедить не привыкших бежать от врага, тем более неизвестного, бесстрашных воинов Кимвала. Без усталости, пережидая лишь короткими ночами темноту, друзья Кимвала возвращались в Сытую долину. В самих горах водилась прорва кровожадных тварей. Невероятно крупные и злые волки, которые летом обычно не проявляли к вооружённым людям интереса, здесь почему-то закружили у разведённого киммерами костра с заката до рассвета, словно упыри. И, как горящий уголь, красные глазищи их зловеще засверкали в холодном мраке горной ночи.

Слава Крону, что на поиски гнезда гигантского орла кочевники отправились без лошадей. Но волки, страшно клацая подобными ножам зубами, неоднократно нападали на них и днём. Лишь стрелы, пущенные меткими руками, их останавливали и обращали в бегство.

На перевале воины Кимвала напоролась на пещерного медведя. Один лишь вид такого на равнинах Запределья обратил бы в бегство войско стаблинов и муходолов (так в Запределье называли пастухов полезных насекомых, разводивших древних винных пчёл). Медведь оказался настолько огромным, что от одного только рыка его у воинов заложило уши, а с гор посыпались камни. Острые стрелы, будто простые палки, отскакивали от его шкуры. Копья вонзались в неё, словно обычные занозы.

Этакое чудовище, пожалуй, не сразил бы и волшебный меч вахлаки. Но, к счастью, кто-то из бойцов сумел попасть медведю прямо в нос. Взревев от нестерпимой боли, пещерный зверь вдруг развернулся и пустился наутёк. Недолго думая, киммеры побежали в другую сторону. Остановились, чтобы перевести дух, они, когда в округе воцарилась тишина. Но на этом их приключения не закончились. Этой же ночью свирепые гиены вынудили воинов выпустить в них все свои стрелы. И только растерзав десятка два смертельно раненных людьми сородичей, гиены удалились.

После гиен в одном тоннеле между пещерами на отряд Кимвала неожиданно напал гигантский червь со множеством голов. И вновь, хвала Всевышнему, всё обошлось. Имея при себе немного пакли и огниво, воины Кимвала немедленно воспламенили факелы и отогнали монстра в мрачное подземное болото, откуда он и вынырнул, намереваясь плотно подзакусить свежатиной.

В другом тоннеле поджидала пара гигантских пауков-вампиров, коварно затаившихся на паутине, которую они по глупости своей сплели на самом выходе из проходной пещеры. Эти мохнатые восьминогие твари оказались величиной с доброго быка каждый. Более крупный, по-видимому самка, не захотел дожидаться, когда двуногая добыча надумает пройти вперёд, навстречу солнечным лучам, чтобы запутаться в тенетах невероятной прочности. Грохнувшись о плотный пол пещеры из-под каменного свода, паучиха ринулась в атаку. И тут же напоролась на факелы, которые бойцы Кимвала резко выставили перед собой. Слеплённая и обожжённая, огненно-рыжая тварь отпрянула и сжалась в комок, превратившись в отличную мишень.

Копья буквально пригвоздили её к холодному грунту, а метко брошенные топоры повредили ей жизненно важный центр. Видя гибель самки, самец не полез на рожон, а быстро спрятался вглубь широкой расщелины под сводами у выхода из тоннеля. Прежде чем выбраться из опасной пещеры, люди Кимвала начисто выжгли преграждавшую путь паутину, а щель, в которую забился паук-упырь, закидали камнями и факелами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.